

Александр Пушкин

Капитан и

Хранитель Души

2021 г.

18+

Александр Борисович Пушко

Капитан и Хранители Души

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67039662

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-92751-3

Аннотация

Что, если Бог не создавал наш мир?

И может быть описать Бога правильнее языком Хокинга и Эйнштейна, а не священных писаний?

И может именно мы создали наш мир, а Бог лишь случайно пришёл к нам на помощь? И если он пастырь, а мы овцы, может, мы всего лишь пища для артефакта, принесённого им из другого измерения, а наша душа лишь неуловимый отпечаток Высшего существа.

...а Дьявол лишь заместитель Бога.

Пятеро избранных решают судьбу человечества – достойны ли мы шанса продолжить наше развитие?

Содержание

Вступление.	4
Глава 1. Церквушка.	5
Глава 2. Авария.	15
Глава 3. Испытания.	23
Глава 4. Задание.	30
Глава 5. Зодчий.	37
Глава 6. Читерство.	47
Глава 7. Расплата.	50
Глава 8. Чудо.	57
Глава 9. Разбор аварии.	63
Глава 10. Русский Икар.	71
Глава 11. Политрук.	83
Глава 12. Переводчик.	92
Глава 13. Однофамильцы.	100
Глава 14. Баба Нюра.	108
Глава 15. Дух света.	117
Глава 16. Вера.	122
Глава 17. Хранитель Души.	132
Глава заключительная. Писатель.	140

Александр Пушкин

Капитан и Хранители Души

Вступление.

Русь – матушка. Москва златоглавая и таежные отшельники-староверы. Опричнина и раскольниковство. Гонимые язычники и взорванные революционерами церкви. Святые и грешники.

И все и всегда, когда на публику, а когда утайкой, молились и обращались к богу и всегда, Русь, у люда твоего были особые отношения с верой, и с самим Богом.

Было время, когда твои ратники шли под знамёнами с лицами святых, а было и так, что на форме твоих захватчиков была надпись: «С нами бог!»

И только сегодня у вас есть возможность узнать истинную причину особой связи России с Высшими силами.

Глава 1. Церквушка.

Только Бог может заполнить вакуум в сердце (с).

Блез Паскаль.

Храмы, соборы, церкви, часовенки – все они имеют, если подумать, судьбы, схожие с судьбами людей искусства, поэтов и писателей.

Некоторые таланты уже при рождении своём имели всё, чтобы стать великими и почитаемыми. Принадлежность к дворянским династиям, образование, воспитание, светское общество, признание с юных лет, великие мира сего, цари, и генсеки назначали им аудиенции, ища встречи с ними.

Так и некоторые Храмы Божьи были торжественно заложены по указанию сильных мира сего, построены на пожертвования, как простого люда, так и богатейших людей, стали шедеврами, творениями лучших мастеров. Они стали свидетелями венчания великих, крещения их потомков, служили им усыпальницами, даже во времена гонений на церковь были музеями, охраняемые государством как памятники искусства.

Рядовые от рождения служители поэзии и прозы всю свою жизнь мыкались в поисках себя и работы, писали за гроши никому не нужные, проходные статьи в забытых богом газетёчках. А по ночам в своей пьяной безысходности, в съёмной обшарпанной халупе для нищих, разрывали душу над

своим произведением, которое будет признано гениальным лишь после их никем не оплакиваемой смерти, получаемой ими как освобождение от брэнности бытия, в молодом ещё возрасте. И редко по естественной причине.

Так и тысячи простых церквушек по всей нашей необъятной стране переживали пожары, разорения, опустошения, да и в лучшие свои времена, видели только пьяного батюшку, проклинающего втихаря свою судьбу, паству, да и самого Бога.

***

Церковь, с которой связана наша история, была одной из провинциально-деревенских церквушек. Её уделом было крещение, венчание да отпевание крестьян, которые в своей сирой нищете, по сути, и возможности-то согрешить, особо не имели. Ибо как, согласно известной заповеди, богач имел шансы попасть в рай не больше, чем верблюд пройти в игольное ушко, так и у нищей паствы этой церкви шансы промахнуться мимо рая ввиду тяжких грехов были минимальными.

К концу века двадцатого, в этой веренице событий, церковь пришла в упадок, службы здесь давно практически не велись, так как близлежащие деревни вымирали, лишь изредка туристы-ротозеи заглядывали сюда, привлечённые видом с дороги, да и то, те кто не побоялись съехать с магистрали, да сделать немалый крюк по просёлку.

Так было до поры до времени. Вернее, до той ветки времени, о природе появления которой мы с вами скоро узнаем.

Так получилось, что в вашей версии времени, которую вы считаете своей, основной и единственной, церковь эта была просто окутана всевозможными мыслимыми и немыслимыми историями. Такого количества слухов, самых неординарных событий не было даже вокруг более именитых собратьев-соседей.

Начиная с того что, она была одной из самых старых, не только в округе, но и, пожалуй, в этой части страны. Точнее деревянный предок нынешнего кирпичного здания был. Говорят, он был сожжён ещё монголо-татарами, но именно здесь по преданию, словно споткнувшись, они внезапно решили, хватит, нечего делать дальше на Пути от Солнца. И их продвижение дальше на запад потеряло свою энергию, хлеставшую через край до этого. А сожгли они его потому как, опять же по приданию, то ли под полом, то ли в стене храма спрятал убежавший от них русич икону, якобы чудотворную. Отстроенный вскоре после этого второй деревянный храм был выше и краше, откуда только силы взялись на его постройку.

***

Ещё одна легенда этой церкви, уже второй деревянной, связана была с татаро-монголами, а точнее с иноком Пересветом. Согласно ей, на своём пути на поле Куликово монах остановился в деревне, что рядом. Узнав о том, куда он направляется, местная рукодельница Вера, слышавшая ещё и знахаркой, вручила ему схиму – монашескую накидку с изобра-

жением креста, которую он и надел поверх одежды. И сказала Вера, что схиму эту по божьему наказу доделывала она именно в этой церкви, и именно она защитит его лучше любых доспехов.

Не только Вера, но и все жители деревни верили в особенность своей церкви, хотя по неписанному закону не говорили обычно об этом пришлым, дабы не сглазить, тьфу-тьфу-тьфу. Не раз под сенью свода святыни своей наблюдали они чудеса: совсем хирые больные выздоравливали, молящие о помощи, получали то, о чём и сами толком не чаяли и не мечтали. Даже когда сожгли татары первый храм, в селе они по обыкновению своему не лютовали, а люд попрятавшись в лесу пару дней вернулся в нетронутые хозяйства свои, не веря в счастье своё, а некоторые и не покидали дворов своих вовсе. Как будто морок какой татарских воинов гнал метлой поганой отсель.

Пересвет, выйдя на поединок, следуя наказу знахарки, снял с себя доспехи и остался в одной лишь схиме. Когда копьё Челубея, бывшее много длиннее обычного копья, ударило и прошло Пересвета, не встретив сопротивления, насквозь, тот не выпал из седла, как это происходило обычно с противниками в броне, и не ожидавший этого опытный Челубей пропустил копьё противника. Челубей был убит и вывалился из седла. Пересвет же, получив, казалось бы, смертельную рану, остался в седле, доехал до строя своего войска и только там умер, успев сказать брату своему Осляби, чтобы

похоронили его у той самой церквушки, где Вера давала ему наказ. Да только полегли они рядом, и место их захоронения до сих пор вызывает споры.

***

Отстроенный второй деревянный храм не простоял и века, когда заночевавший в деревне богатый купец, выйдя утром помолиться, был так впечатлён видом церкви на возвышающемся над деревней холме с выходящим из-за неё солнцем, что пожертвовал почти все своё состояние на строительство новой, хоть и не очень большой, но каменной церкви. Сам переехал сюда аж из столицы и самолично принимал участие в строительстве, как обычный чернорабочий. Хотя говорят, потом он поговаривал, что будто сам Дьявол его попутал, и к концу стройки был злой и даже, говорят, подговорил местных лихих людей толи убить, толи ослепить мастеровых, коих нанимал для строительства, чтобы не платить. А помощником в его лихих делах был чуть ли не сам разбойник Стенька Разин! Да только любой мало-мальски умеющий сопоставить даты понял бы, что события эти разошлись больше чем на столетие.

***

Ещё была одна занятная история уже в советское время. Пошёл как-то мужик с соседней деревни своровать кирпича с кладки этой самой церкви. Кирпич, несмотря на свой возраст, был неплохим, на печь, конечно же, не согдится, ну так по хозяйству, да ещё и задаром, пойдёт. Церковь к тому вре-

мени была заброшена, так что и воровством-то это назвать было трудно. Так вот, стоило ему выбить первый кирпич, как оттуда посыпались золотые монеты. Мужик оказался честным и конечно заявил. Честно получил причитающуюся ему часть от государства, а также получил кучу упрёков от более меркантильных родных и близких, мол, зачем заявил о находке. На машину или там дом денег, конечно, не хватило, но жить безбедно и справиться всё по хозяйству, можно было, мужик был хоть и небогатый, но рукастый. Только вот тоже без чертовщины не обошлось. Разругался сначала мужик с родственниками, и своими и жёниными. Потом пропил сначала шаровые деньги, потом и из дому. Жена его бросила, дочь в город учиться подалась, да там и у неё тоже что-то не заладилось, вроде как, то ли замуж неудачно выскочила, да не сложился брак, а то ли вообще матерью-одиночкой стала. Ну, короче в отчий дом дорогу забыла.

А мужик пил сначала безбожно, а потом и совсем крышей поехал. Всё ходил к церкви да искал что-то в пустых стенах, говорил, что чует что-то, что никто другой не может видеть. Мужики только посмеивались, стены-то они давно все простучали после той истории с кладом. Ну, так он и прошлялся как юродивый с полгода там. Только по весне повесился, да так что по деревне слухи ходили ещё не один год, да детишек пугали этой историей.

Короче нашли его только когда заметили, что вороны под куполом странную кутерьму затеяли. Прямо, как комком что-

то облепили, тучей будто. Один мужик тот, что первый полез, божился потом по пьяни, что и не вороны то вовсе были, а черти, и мол, держали они того бедолагу, а тот, мол, тянулся до последнего к Богу, такое вот ему видение было. Под куполом верёвка была, на которой раньше колокол висел. Да только добраться туда мужики с тремя лестницами еле смогли, чтоб снять его. Да ещё говорили, что вроде как висел он неестественно, мол, и не на верёвке совсем будто, а завис как на распятии, раскинув руки крестом. Ну понятно со страху то чего только не привидится. Ещё странно было, что вороны, что на трупачину-то слетелись и вроде как не один день должны были пировать, совсем его и не поклевали. А был он как окоченевший, на мертвецов и не похожий совсем. Но только на самом деле это наверно оттого, что зима лютая была и морозы стояли уж не одну неделю. Схоронили его почти тайно, уж больно жуткая вся эта история была.

***

А потом пришла Перестройка, и взялись за восстановление храмов. Да только чинуши, что приезжали, постановили, что смысла нет восстанавливать. Мол, населения в округе мало, а церковь пострадала сильно и вроде, как и небольшая, а денег много уйдёт на реставрацию, больно уж досталось ей, и пожар вроде как дел наделал, да и в запустении больно долго была.

Но и тут не обошлось без божественного провидения. Оказалось, что в годы войны в церкви этой был массовый

расстрел, мол, фашистам в этом направлении тут дали первый серьёзный отпор, причём почти в чистом поле какое-то подразделение НКВД, да ещё курсантов зелёных чуть больше полсотни, или того меньше с Московского училища. И из укреплений только эта самая церковь и была. Немцы неделю не могли выбить НКВДшников. Потом уже танки подтянули и налегли, превосходящими в десять раз почти силами вмяли практически в землю, непокорных защитников безымянной высоты. Живых там осталось буквально пара десятков бойцов, а может и меньше. Раненых, да контуженных. Согнали их немцы в церковь. А этим случаем заинтересовались в их штабе, как так могло произойти. И ждали оттуда какого-то высокого чина. Тот, приехав, стал допрашивать, но только в ярость пришёл.

Всех там и расстреляли, и хоронить не дали деревенским, а лето было, смрад аж до деревни доходил, немцы сами поняли – перебор это уже, и спалили всё там. Так вот оказалось, что в том бою чудом выжил курсант один. И прошёл он всю войну. А сын его в перестройку поднялся хорошо. Так вот он и спонсировал восстановление церкви из своего частного фонда. Реставраторов нанял.

Только и тут тоже чудо произошло. Реставраторы начали штукатурку снимать, а там роспись, в деревнях-то такого отродясь не было. Стали вскрывать, а там такой шедевр, что даже об Андрее Рублёве самые смелые заговорили. Ну, потом, конечно, не подтвердилось, ни по времени, ни по техни-

ке. Но государство, как водится, тут сразу вспомнило о том, что это памятник искусства. Ну и короче, заканчивало восстановление уже государство.

Потом, конечно, и историки стали рыть все архивы, раз уж такое чудо случилось. И ещё один факт оказался примечательный с этой церковью связан. Оказалось, именно в этой деревне жил русский самоучка из крестьян, который раньше самого да Винчи пытался летательный аппарат соорудить и даже, как раз с этой церкви, пытался взлететь. Только вот не осталось свидетельств, удалось ему или нет.

***

Ну а потом, по стечению обстоятельств, ехал через эти места иностранец какой-то, составитель путеводителей малоизвестных, «Одна Земля» что ли, и попал на какого-то энтузиаста местного, а по-нашему то, просто болтуна. Тот ему этот воз и маленькую тележку информации и вывалил. А тот возьми, да и опубликуй, а потом дела у него в гору пошли, и стали его эти путеводители очень популярными у иностранцев, а через него и про церковь эту узнали, как про диковинку редкостную. Ну, а у нас как, уж коли иностранцы заинтересовались, то и наши вспомнили вдруг, что и на родине есть немало мест интересных, да историей не обиженных.

Короче, церковь эта стала достопримечательностью. Не столько верующие, сколько ценители диковинных мест, да ротозеи потянулись к ней. Кто экскурсией, кто на машине, а кто и автостопом.

Так и получилось, если на писателей перевести, рукопись безродного автора, с божьей помощью, попала на стол известнейшего издателя.

И вы, пока ещё, конечно, не можете догадаться, что судьба так благосклонна на самые невероятные события в стенах этой церкви, только в этой ветке времени, появлением которой мы обязаны неким сверхсуществом. Но об этом в следующих главах.

Глава 2. Авария.

...не бывает людей, совершенно незначительных и незаслуживающих внимания (с).

Филип Дормер Стенхоп Честерфилд.

Это была рядовая разведывательная экспедиция. Капитан с Навигатором разбрасывали червоточины между низшими измерениями, практически на поверхности измерения Время, гигантской линейной бесконечности, спящей своей зеркально-зелёной поверхностью. Наконец то тут появятся Развиватели, которые начнут сбор и аккумуляцию биоэнергии, так необходимой для путешествий в более высокие измерения. Ничто не предвещало какой-либо опасности, когда из подпространства внезапно ударила аномалия, мгновенно высосав почти весь запас энергии и повредив Аккумулятор – сердце системы жизнеобеспечения корабля. Протоколы аварийной автоматики каким-то образом выбросили их в первичное, низшее измерение, практически без возможности перемещения не только во времени, но и даже в пространстве. Посреди непривычного для них огромного пустого пространства висел огромный сгусток гравитации – светило данной системы, огромное хранилище бесполезной энергии распадающихся и синтезирующихся элементарных частиц и присущего данному измерению света. И совершенно

неожиданно для данной безвыходной ситуации, сканер показал хоть и слабый, но всё-таки так нужный для спасения источник биоэнергии на третьем от светила скоплении вещества. Источником оказались низшие существа, перерабатывающие элементарные виды веществ в ментальную энергию. Почерпнутая из Хранилища информация называла их гуманоидами. Беда была в том, что каждое существо в отдельности обладало просто микроскопическим количеством энергии, да и существ этих было от силы несколько десятков тысяч. И хотя Хранилище говорило о том, что данные гуманоиды способны быстро увеличивать своё количество, а при нужном толчке в развитии ещё и существенно увеличить отдаваемое каждой единицей количество биоэнергии, Капитан первоначально отверг идею сбора энергии таким способом. Тем более Кодекс предписывал максимально ограничивать контакт с первичными мирами, дабы не нанести им непоправимый ущерб. Но сканирование всего доступного пространства и подпространства вернуло на повестку дня, ну или на самом деле, на повестку микросекунды, вопрос о данном источнике энергии.

На самом деле существа оказались не только легкоуправляемыми, и быстро идущими по нужному пути развития, но и довольно забавными при всей их примитивности. Со временем стимуляция развития способности производить биоэнергию даже превратилось для «Первых или Бесконечных», а именно так наиболее точно можно перевести на наш язык

самоназвание этих существ, в некое подобие развлечения или игры. Вообще понятия Первых, для простоты будем называть их так, сложно передать однозначно для нашего восприятия.

Понятно, что число «Первое и Бесконечное» связано с их числовой многомерной системой и для нас не имеет чёткого смысла. Также как, например, слово «завтра», простое, казалось бы, для нас, имело больше десятков аналогов у Первых. Ведь говоря «завтра», они могли иметь в виду «завтра», которое будет, если я не изменю, ход событий сегодня, и оставлю его таким, каким он был бы в своём естественном течении, то есть «сегодняшним завтра». Нашим обычным. Ну или вашим обычным, в зависимости от того в каком «завтра» вы оказались, в измененном или нет. Ну вернее которым из двух «вас» вы оказались. Мдя уж. А вот Первый просто бы говорил о «завтра», которым оно было бы, если бы он говорил о нем из «послезавтра», поменяв его «вчера» на другую проекцию.

Короче, быть существом из другого измерения та ещё морока! Поверьте, на слово, хоть оно, Слово, и не способно описать саму природу этих коллизий и разночтений.

Да что там числа и дни, само Время для них было хоть и красивым, но низшим измерением, до той поры пока в результате этой аварии они не провалились сквозь него в, как оказалось существующие, ещё более низшие измерения – известное нам людям пространство.

Капитан всегда с улыбкой вспоминал, как он материализовался, ведь понятие родился не применимо к Первым, как раз на поверхности этого уникального по-своему измерения – «Время». Случайно ли он появился именно здесь? Вряд ли. Он был совсем ребёнком, хотя и это к ним не совсем применимо, и был поражён ослепительной красотой. Словно тысячи листов стекла стояли торцом к нему, переливаясь своими зеленоватыми острыми гранями, а подобие яркого луча пробегало молнией от одного горизонта к другому, иногда слегка замедляя своё движение у одной из граней – это происходило возмущение, от чьей-то попытки поменять ход событий. И каждый такой лист содержал полную копию более низших измерений. Даже разуму Первых это казалось великолепным. Нет, конечно, более высокие измерения привлекали своим обилием энергий самой разной природы, но Время всегда стояло особняком, отделяя низшие измерения от многомерных пространств, кишаших подпространствами, сгустками и каждое живущее по своим, только ему присущим законам.

И именно за этой границей, созданной Временем, они теперь оказались запертыми. Находясь по эту сторону, они по-прежнему могли взаимодействовать с ним, хоть и теряя ставшую теперь очень дорогой энергию, но пройти сквозь него в высшие измерения они после аварии были не в состоянии.

Капитан и Навигатор пробовали контактировать напрямую с существами, но их примитивный разум, конечно же,

не мог воспринять Высшее существо, но нет худа без добра. Подобные контакты зародили у существ, то, что сами существа называли религией, которая в свою очередь не только способствовала их массовому скоплению и объединению, экспоненциальному увеличению их количества, но и делала скачок в их ментальном развитии.

Однако более плотное прямое влияние на существ приводило к их пониманию своей низменной и примитивной сути, что вело к их деградации, и дабы снизить потери сбора энергии Навигатор проводил периодически, раз в несколько тысяч лет, тотальный сбор энергии, который он называл Жатвой. Дело в том, что помимо постоянной генерации энергии, существа делали мощный выброс в момент прекращения своего существования, поскольку переходить в другое измерение они не умели, они оставляли всю свою накопленную энергию, постепенно распадаясь на элементарные вещества. Отдаваемая энергия многократно преумножалась при массовом прекращении генерации и отторжении жизненной силы существами. И хотя оба Высших понимали экстенсивность этого метода сбора, ведь на восстановление популяции уходили века, тысячелетия, но это вынужденное действие переросло в некий ритуал, с долгими спорами и обсуждениями, о его целесообразности в конкретный момент.

Иногда Навигатору казалось, что Капитан забывает об их основной миссии и чувствует себя в данном измерении неким создателем или архитектором. Возможно, он даже

испытывает некую привязанность к существам, а может, и некую ответственность за них.

Капитан же всегда сетовал на то, что до них никто не проводил столь длительного изучения жизни этих существ. А где-то в глубине его терзало чувство, что есть какая-то тайна в жизни этого измерения. Что вся эта примитивность и кажущаяся простота этого мира, на самом деле след чего-то древнего и глубоко забытого. Ах, если бы энергия Аккумулятора не была на минимуме, заглянуть бы в истоки этого мира.

Кстати, чуть не забыл рассказать об Аккумуляторе, который пострадал от аварии в наибольшей степени. Он был неотъемлемой частью кораблей Первых. Собственно, корабль как таковой скорее можно было назвать капсулой. У него не было двигателя. Он просто падал при помощи концентрации ментальной энергии, проваливаясь в новые измерения, либо всплывал, расширяя свою одностороннюю внешнюю границу. Пузырь – оболочка, позволяющая с минимальным сопротивлением проникать из одного измерения в другое. Но Аккумулятор не всегда был у первых. Тогда они ещё только познавали природу червоточин, ставили первые эксперименты с Развивателями. Впервые они столкнулись с Аккумулятором, изучая область большого Всплеска на пересечении высших, известных на то время, измерений. Аккумулятор не поглощал Энергию, в отличие от всех других субстанций этого мира, он её сохранял, поддерживал рав-

новесие жизненных сил любой соприкасающейся с ним живой материи. Теперь представьте, что вы мчитесь на мотоцикле по пыльной, щебёнчатой дороге с ухабами, со скоростью 200 километров в час без защитных очков и стекла. Так вот Аккумулятор, образно говоря, превращал такую поездку в поездку в комфортабельном люксовом автомобиле. Даже наткнувшись случайно на аномалию в виде решета, экипаж капсулы почувствовал бы лишь лёгкие покалывания вместо того чтобы быть жестоко перемолотыми жерновами – поглотителями, охотниками на энергию и материю, и пробиваться аннигиляторами бесконечно долгое, для взгляда изнутри, время на поверхность.

И вот такой уникальный по своим свойствам объект волею обстоятельств нам уже известных оказался на Земле. Понятно, что Аккумулятор мог собирать энергию хоть с Луны, но не надо забывать, что он был изрядно повреждён в аварии. Капитан вообще вначале беспокоился, не лишатся ли они его совсем. Это сделало бы их положение крайне плачевным. Поэтому несколько первых тысяч лет своего пребывания в нашем мире навигатор постоянно переносил Аккумулятор к местам наибольшего скопления людей. По мере улучшения состояния Аккумулятора такие перемещения перестали быть необходимыми для самого Аккумулятора. Но Первые не могли не заметить, что помимо сбора энергии, Аккумулятор, не являясь объектом измерения существ, видимо давал им что-то взамен, определённым образом влияя на них, на

ход их развития, подобно магниту притягивая некоторых из них, а потом и вызывая в них некую трансформацию, усиливая те или иные качества. На более поздних этапах развития некоторые из людей говорили о душе, вдохновении, любви в таких местах особенно горячо.

Используя этот побочный эффект, Капитан помещал артефакт, то в одно, то в другое место, называя их Местами силы. Дело в том, что даже после перемещения Аккумулятора место ещё долго притягивало людей, словно сохраняя заряд.

Глава 3. Испытания.

Разговоры у них всегда оканчивались спором (с).

Николай Гоголь.

Спустя несколько десятков тысяч лет...

Бог, он же Капитан, устал. Нет, никакой человеческой ерунды типа ломоты в мышцах или ноющей спины у него естественно не было. И никаких последствий вчерашнего нарушения режима в виде головной боли. И дело даже не в том, что у Бога попросту не было головы, спины или мышц. Просто вечная жизнь, хотя и кажется недоступным благом обычным смертным, всё же, порой утомляет. Да ещё черт принёс, извините, за тавтологию этого Дьявола. И ведь как будто чувствует, что именно сегодня совсем не до него. Сколько, интересно, они не виделись, пару веков, тысячелетие? Время так быстро летит, когда ты по уши в работе, а как раз работы с этими людьми на Земле последнее время было всё больше и больше.

После аварии Первые постепенно стали проводить всё больше времени порознь, каждый нашёл себе свой фронт работ, свои увлечения. Помаленьку они ассимилировались с зарождающейся культурой существ и даже стали называть друг друга именами, данными им людьми, сначала в шутку, а потом дабы соответствовать образу.

—Давненько не виделись! – Прервал его раздумья Дьявол.

Как вы уже поняли, это был Навигатор. Надо сказать, пытаться описать буквально все эти события из жизни, а правильнее сказать существования, высших инстанций в терминах, применимых для человека, дело безнадёжное.

К примеру, нынешняя встреча вышеупомянутых персонажей выглядела бы для человека, как появление из пустоты в вакууме в космическом пространстве где-то на орбите Венеры двух объектов. Один из них был ярко белым светом, как будто вспышка фотоаппарата вдруг замерла и только искорки и язычки плазмы шевелились, показывая, что время не остановилось. Второй объект появился бы для человека практически одновременно, хотя в мире этих существ между их появлениями из ниоткуда прошло время, достаточное, чтобы решить вопросы о ближайшем будущем пары миллионов человек на Земле. Выглядел второй объект, а точнее он не выглядел. Человек, с его несовершенными органами зрения попросту его бы не увидел на фоне глубокого черного космического вакуума. Полное отсутствие чего-либо, но при этом явственное ощущение присутствия. Присутствия настолько тёмного и могущественного, что наверно наиболее точным описанием для человека могло бы быть сравнение с чёрной дырой, правда, миниатюрной, диаметром максимум метра полтора. При этом края её были не чётко очерченными, а можно, пожалуй, сказать лохматыми, что делало его похожим по форме на своего искрящегося, ослепительно белоснежного, оппонента.

И в дополнение ко всему оба объекта для восприятия человека исчезли, закончив свой диалог, буквально в ту же секунду. Но мы же с вами просто люди, поэтому представим данную встречу Бога и Дьявола как принято в литературе, просто как встречу двух вполне себе человекоподобных существ.

Итак...

–Давненько не виделись, Господь всемогущий! – пошутил Навигатор.

Надо сказать, вопреки принятому среди людей мнению, никакой вражды или даже противостояния, даже после того, как они практически перестали встречаться в этом огромном измерении, между Сверхсуществами, известными читателю как Бог и Дьявол, не было и в помине. По людским понятиям они продолжали вести себя если не как приятели, то, как минимум, как дружные коллеги. И если их деяния и казались порой противоположными по направленности, то это только потому, что свойства и методы их воздействия на людей по самой природе их были разными. На самом деле они двигались к одной общей цели. Правда, там, где один побуждал созидать, другой приносил разрушения.

–Да, давненько. Как сам. Всё строишь дьявольские планы. А, хотя извини, они у тебя все дьявольские, – парировал Капитан.

–Ой, баян, баян. Уж за прошедшие-то века мог бы придумать что-то новое. Ну, или подслушать что-то у людей.

–Ладно, что привело тебя?

–Да знаешь, подумал, давненько не устраивали мы с тобой какого-нибудь Армагеддона. Ух, помнишь, всемирный потоп, вот это зрелище! Все эти мировые войны, Хиросимы и Чернобыли, всё не то.

–Слышал ты и к адронному коллайдеру, будь он неладен, подбирался? Увижу, что без договорённости химичишь там, с рук тебе это так не сойдёт.

–Да я что, я только подогреваю интерес к познанию секретов мироздания, ты же сам радеешь об их развитии.

–Ты прекрасно знаешь, что они ещё не готовы к этому.

–Я думаю, этого не знаешь наверняка даже ты. Ты всегда их недооценивал, всегда излишне нянчился. Но сейчас не об этом. По всем срокам подошло время для очередного челленджа, как они теперь говорят. А то, опять же, как они говорят, они совсем страх потеряли, забыли о силе природы или точнее о моей силе. Может, забьёмся? Как в старые добрые времена.

–Нет, нет и нет. Эта генерация только начала путь к познанию тайн элементарных частиц, задумались о путешествиях, пусть и внутри этого измерения, но к другим планетам.

Высшие за столь долгое наблюдение за своими теперь уже можно смело сказать подопечными стали оперировать их терминами и понятиями. Именно поэтому Капитан уже называл скопления материи словом Планета, а существ Людьми.

–Если мы сейчас проведём Жатву и оставим их после Ледникового периода, Всемирного потопа, или Вселенской засухи, ну или что ты там придумашь в этот раз, чтобы скрыть вмешательство высших сил, то без нашего толчка к эволюции они так и останутся первобытными низшими существами.

–Ты так говоришь, словно эта энергия нужна только мне! Ты же сам помнишь, как они опустились, прежде чем я предложил тебе Жатву, в этой Сьерра Лионе или Гвинея Биссау, я уж запутался.

–Содом и Гоморра – подсказал Капитан.

–Ну, короче Армагеддон, вот я о чём. Ты вот говоришь, оставим первобытными низшими существами, так они такими и были, когда мы тут появились. Такими они и были бы сейчас, не начни мы их развивать в своих целях. Только не говори мне, что мы в ответе за тех, кого приручили – Навигатор, он же Дьявол в мифологии людей, усмехнулся – И к тому же, исход испытания не известен, не так ли? Ты ведь не стал бы тратить энергию на перемещение во времени без моего ведома? Ты же даже веришь, что эти примитивы способны почувствовать наш Аккумулятор. Последний раз ты придумал спрятать его на Голгофе. Хотя, конечно, ты рисковал, двое из пятёрки расстались там со своими жизнями, а для них это серьёзный довод не идти на зов Аккумулятора. Ведь ты же утверждаешь, что они шли именно к нему? Хм, чтобы они, даже после того, что мы вложили в их раз-

витие, почувствовали его!?! В другом подпространстве. Поверить не могу, что ты, правда, в это веришь!

—Но ты же видел Он смог прикоснуться к нему, он впитал жизнь из него.

—Ха! Ты опять про Иисуса, своего любимчика! Ему ведь даже приписали родство с тобой. Я уверен дело не в контакте с Аккумулятором. Если бы ты убрал его сразу после того как они пришли к месту и тем самым выиграла тебе состязание, то он все равно выжил бы. Стечение обстоятельств, одни не умеют стопроцентно убивать, другие очень, невероятно живучи. Ни больше, ни меньше. Ещё скажи Варавва пришёл туда по своей воле, веря в свою судьбу! Если бы он и почувствовал Аккумулятор, то пришёл бы туда, только чтобы своровать его, а потом нам бы и продать. Или это сердобольный Симон Киринаянин стал нести крест Иисуса, чтобы попасть к Аккумулятору? Да бред полный.

—Ну ладно хватит, мы уже давно решили, что там моя вера в лучшие качества людей выиграла, показав, что в людях больше духовности, чем ты полагал. Они справедливо получили шанс, и ты не станешь утверждать, что зря. Ведь за две тысячи лет они сделали большой скачок в развитии. Мне кажется, что ты забыл, что цель каждой экспедиции не только добыча энергии, но и изучение всего нового. Мы до сих пор до конца не понимаем даже природы Аккумулятора.

—А мне кажется, ты уже забыл о нашей миссии, об экспедиции! Ещё одна хорошая Жатва, и мы сможем, если не

добраться до Дома, то хотя бы дать знать о себе. И помощь придёт.

—А ты, разве не ты, Навигатор, говорил, что эти существа, люди, хотя тогда они, пожалуй, и были всего лишь существами, способны только поглощать и перерабатывать элементарные вещества и размножаться. А теперь посмотри, каждый из них вырабатывает в сотни раз больше энергии. Я вижу их мысли, их стремления, возможно если бы у нас была возможность вернуться сюда с нашими технологиями, то они бы научились ментальным путешествиям, стали бы свободно перемещаться не только в пространстве, но и во времени, а потом, может, и в другие измерения. И однажды, вернувшись сюда, мы смогли бы добыть столько ментальной энергии, сколько не добывали и в высших измерениях.

—Стоп, стоп, стоп. Господи, ты в своём уме. Когда ты последний раз прикасался к Аккумулятору, твоё самочувствие вызывает у меня сомнения. Так дело пойдёт, ты ещё и захочешь остаться здесь навсегда. Или ты просто тянешь время? Так что насчёт испытания?!

Глава 4. Задание.

Если вы верите в меня, то я верю в вас. Это сделка? (с).

Льюис Кэрролл.

Пятеро едва знакомых людей стояли под куполом церкви. Естественно той самой. И сказать, что они просто стояли было бы неточным, они буквально остолбенели. Конечно, в народе говорят, «пойти в церковь пообщаться с богом», но этот случай особенный. Люди действительно видели перед собой Бога. Да ещё и в его истинном виде, а не в адаптированном виде старца с икон. Дело в том, что при всех своих суперспособностях, Первые не могли менять своё обличие и внушать что-либо людям, тоже не могли. Максимум, что они могли, это скрыться с глаз долой, именно так они и наблюдали за интересующими их событиями, либо прячась в подпространстве, либо зависнув в нескольких сотнях метров над землёй. И только самый пытливый глаз мог заметить маленькие, облачко и тучку, неподвластные ветру.

—Сразу скажу, вы не первые, кто был выбран для особого испытания. От вас будет зависеть без преувеличения судьба всего человечества – говорил Бог.

Навигатор тем временем с интересом наблюдал за людьми, выбранными Капитаном для испытаний. Да, они сильно изменились. Раньше приходилось тратить немало времени, чтобы привести их в более-менее дееспособное со-

стояние, а сейчас вон тот, видимо, Мыслитель, готов подойти и потрогать меня. Плохая идея, смертный, мгновенная аннигиляция, вспышка и первый реальный случай исполнения вашей поговорки, «места мокрого не осталось».

—В этой церкви будет положен некий артефакт. Скажем так, в вашей мифологии это описано как Царствие небесное, источник вечной жизни.

Лукавишь, подумал Навигатор, ты пошлешь его в самый момент возникновения этой церкви, чтобы здесь образовалось место силы. И для них, в этом времени, это событие уже произошло. В их прошлом это уже свершившийся факт, и поэтому они сюда пришли, потому что для них она необыкновенная, они почувствовали, конечно, не сам Аккумулятор, но его отпечаток энергии, сконцентрировавшийся за несколько сотен лет. Только и я преподнесу твоим избранникам маленький сюрприз!

—Однажды этот артефакт позовет вас, для вас это станет знаком судьбы. Не каждый может его почувствовать, но я надеюсь, я в вас не ошибся.

—Извини, Господь, или как правильно к тебе обращаться, Бог? Я до сегодняшнего дня не особо верил и в Библии не силен. В царствие небесное, человек, насколько я помню, попадает после смерти. Этот ваш артефакт он что, как портал. Я не горю желанием ходить среди живых мертвецов.

—Вы, люди, всегда разграничиваете вашу жизнь и смерть как что-то противоположное, не понимая, что смерть — это

лишь часть жизни. Так же, как и рождение. Представьте, жизнь – это нож. Его лезвие всего лишь плоский, блестящий, холодный металл. Если он отполирован, вы можете посмотреться в него, как в зеркало. Вы можете щёлкнуть по нему и использовать его как камертон. Но не для этого он вам нужен, не это его предназначение. Вы можете взять безопасно нож за лезвие, не касаясь острия. Но не за безопасность вы его цените. Сколь широким бы не было лезвие, ценность его в его острие. Именно оно позволяет вам пронизывать материю, или разделять единое надвое. В руках убийцы он может отнимать жизни, а в руках врача исцелять.

Так, и оказавшись у последней черты, всё в человеке обостряется. Чувства, лучшие или худшие его черты, мечты, желания, склонность к самопожертвованию. Одни совершают подвиги, кто-то ценой своей жизни спасает других, мать даёт жизнь своему ребёнку, а кто-то предаёт всё ради возможности чуть дольше лелеять в себе чувства обладания и потребления. Именно эта черта, грань существования, даёт человеку такой заряд энергии, что он осознаёт своё предназначение и может сделать невозможное. То есть смерть – это как лезвие клинка. Отточенная тонкая грань.

–То есть всё так просто, жизнь даётся, чтобы умереть красиво? – спросил самый молодой из пятёрки. – Скажи просто, есть ли жизнь после смерти? Какой он рай, и существует ли ад?

–Нет, нет, конечно, нет, всё не так однозначно. Жизнь –

это фундамент, смерть лишь расставляет точки над *i*. Вы можете воспользоваться этим моментом, чтобы прозреть, если ваша жизнь подготовила вас к этому. Либо просто развеять вашу энергию, питая вселенную.

— Ясно, понятно — вмешался, пользуясь завязавшейся дискуссией, ещё один из присутствующих, — Вернёмся к нашим баранам. Я правильно понял, стоит любому из нас прийти сюда, отсюда, куда вы нас там закинете, и найти этот ваш артефакт, и мы получим источник вечной жизни. Каждый или только первый нашедший? Это что квест такой?

Дьявол улыбнулся, узнав следующий тип божественных избранных.

— Да, всё так. С двумя «но». После начала испытания вы не будете помнить ни наш разговор, ни вообще о нашей встрече и её участниках. Если Акку... артефакт позовёт вас, как избранных, то вы окажетесь здесь, и наступит момент кульминации ваших жизненных сил, в вас будут кипеть эмоции, страх, любовь, ненависть. Скорее всего, будет решаться вопрос вашей жизни и смерти, проявится ваша истинная глубинная суть. Возможно, вы получите способность создать или совершить что-либо экстраординарное, питаясь энергией места Силы. И тогда решится, способны ли вы ради встречи с артефактом рискнуть всем, почувствуете ли вы его в этой пронзённой ткани жизни. А у нас появится шанс увидеть, что в людях выше: духовность или тяга к вашему материальному благополучию.

–...понятно, а у человечества появится шанс жить дальше. Мы сами-то хоть после окончания испытания вспомним, что это было?

Ага, и с этим всё ясно, подумал Дьявол.

–Я не могу сказать. Победитель последнего испытания ушёл от нас, выбрав свой путь. Хотя многие верят во второе его пришествие. Если он помнит, что он сделал для человечества, то возможно так и будет.

“Опять он о своём – подумал Навигатор – Ну не мог он достать до Аккумулятора, просто скрылся неведомым образом, спрятали его, его последователи. В конце концов, ходил по воде, как по земле, а потом провалился сквозь землю, как в воду канул!”.

–Итак, избранные – вступил в разговор, потерявший терпение, Дьявол. – Бла-бла-бла, резюмирую. Не упустите души прекрасные порывы, следуйте мечте и сделайте правильный выбор, докажите, что вы способны ещё развиваться в духовном плане, не буду вдаваться в детали, но нам это действительно важно и без всяких красивых слов и отвлечений на гуманность. Найдёте Аккумулятор... Упс, проговорился. Ну, поскольку вы всё равно ничего помнить не будете, полагаю, вся эта беседа была лишь для очистки совести вашего господа Бога. Прости меня, Господи!

Чёрная дыра, коей был Навигатор, слегка всколыхнулась и люди исчезли. Навигатор повернулся к Капитану.

–Как всегда, ты выбрал этих пятерых по принципу –

Строитель, Учитель, Воин, Мыслитель и Кудесник – сказал Навигатор, когда благодаря его способности прокладывать путь сквозь измерения люди, словно растворились в воздухе, устремляясь к месту начала своего испытания.

– Можно и так сказать, но я думал, по-другому: Созидание, Любовь, Страсть, Мысль, Мечта.

– Прoshлый твой фаворит, Учитель в той пятёрке, стал их символом на века. Ты точно увидел в этой пятёрке тот потенциал, на который ты можешь положиться? Как-то я не впечатлён, если честно, наверно пойду паковать вещи и собираться домой.

– Посмотрим, я не выбирал лучших из лучших, я верю, в каждом человек есть частичка, искорка энергии, способная стать пламенем, освещающим путь другим на протяжении многих лет или столетий.

– Слушай, Капитан. Раз уж это, возможно, последняя Жатва, ну и ты не особо торопишься, я позволил себе внести небольшую корректуру.

– Что ещё на этот раз, шельма ты такая? Не зря они представляют тебя хладнокровной, подлой рептилией! – усмехнулся Капитан.

– В прошлый раз испытуемые встречались друг с другом, и если они могли что-то помнить, каждый по крохе, хоть как-то, вольно или невольно, навести друг друга, прийти сообща к мысли о цели. . .

– Давай, без всех этих туманных намёков и подозрений,

что ты натворил? – прервал его Бог.

–Я воспользовался своими навыками и разнёс наших героев не только по разным местам, как в прошлые разы, но и по разным, случайно выбранным временам. К моменту зова они могут быть в совершенно разных возрастах. Ну и физически в этом измерении они, соответственно, не пересекутся. Для моего спокойствия.

–Надеюсь, никаких динозавров или людей подземелья какой-нибудь ужасно далёкой версии будущего? Всё должно быть ограничено временем существования церкви, точнее, временем нахождения в ней нашего артефакта! – пригрозил Капитан.

–Ну, ты же знаешь, что строение не определяет суть места Силы, – усмехнулся, пропадая Навигатор. – До встречи в первых рядах. Шоу начинается!

Тьма закружилась, свернувшись в точку, и он исчез.

Глава 5. Зодчий.

Глупость и талант – от Бога. Остальное – от лукавого (с).

Михаил Туровский.

Симон не был удачливым. Это надо признать. И дело не только в том, что родители его погибли на пожаре, когда он был ещё совсем несмышлёнышем. Не только. Вот взять талантливость. Талант у него был, да и склад характера располагал к творчеству, но вот человек, который бы направил его в нужное русло, никак не попадался. Был он, может, и не очень острым на ум, но любопытным, а как начнёт, за что расспрашивать так любого достанет – что да как, да потом ещё, разве да разве? Дед, когда уже достанет его мелкий, аж с розгой порой за ним ковыляет, да ругает его передразнивая: «Рази, рази!» Ну, от этого его «разве». Так и приклеилось оно к нему из-за привычки часто употреблять в разговоре. Бывало, спрашивает кто мальчика имя, а он – Рази.

Особый склад своего ума он и сам начал понимать с возрастом. Но так уж сложилось с детства, что жизнь его связана была, так или иначе, с рисованием, а вот подачу его нестандартную не принимали окружающие. Ещё мальцом, то солнце нарисует, вроде и красивое, а только синее отчего-то, а то ящерицу нарисует вроде и смешную, на двух лапах стоящую,

да только рядом людишек добавит таких мелких, что страх не только за них, а и за себя, вдруг наяву рядом с такой окажешься.

При всём осознании, что дар его был особого рода, ещё был он усердным, аккуратным и усидчивым, этого у него не отнять. Первый его наставник по иконописи в церковно-приходской школе, куда сдал его дед, дабы избавиться от лишнего рта, приводил его в пример сверстникам, как того, кто чего-то может достичь благодаря старанию своему и прилежности. Но время шло и у его шаловливых друзей под чутким руководством розог наставника, начинало получаться и вливались они в артель, а в работах Симы, как сам наставник констатировал, хоть и была «божья искра», но требуемый канонами церкви посыл не задавался. Вроде и краски подбирал толково и линии чётко выводил и там, где надо, а вот в целом не смотрелись даже поручаемые подмастерьям элементы фона икон. Зайцы, нарисованные им, вроде и замышлялись второстепенными элементами, но больно уж глаза за их были забавными. Ёлки ветвями своими напоминали скорее зелёные бороды, а фон под святые письма, сам по себе словно говорил что-то мазками, как беззубым шепелявым ртом. Поэтому и взрослые иконописцы не любили его и работать с ним не хотели, хотя если начистоту, порой думали, как бы этот отрок не нарисовал фон так, что им потом за свою работу стыдно бы не было. И ещё не нравилось им, что все непростые навыки, на обучение которым уходили у

многих месяцы, схватывал Симон на лету, и тут уж чистая зависть превращала Симона в предмет притеснений, и при разборе подмастерье оставался он зачастую в стороне.

Так из иконописной артели перешёл он в ремесленную мастерскую, где уже больше не учили, а подгоняли, и вроде к качеству работ особо не придирались. Да только по неведомой даже самому Симону причине, слишком часто он витал в облаках и пытался из каждой поделки создать нечто особенное. А владелице торговой лавки, к искусству относящейся лишь опосредованно, это не очень нравилось, ей бы баклуш побольше, да по полкопейки продать, а на Симкины шедевры народ, конечно, заглядывался, да только денег выкладывать не торопился, даже цену иногда спросить боялся. И как только вышел он из возраста мальчика для битья, работающего за плоску похлёбки, собрал он свои вещички и подался на вольные хлеба.

Перешёл он к малярным да штукатурным работам, а при случае и столярно-плотницким. Меж тем, он вырос, уже и выпивал, и бит бывал за свои гулянки. Кляня свою неудачливость, по пьяни всё говорил своему невидимому оппоненту, что всегда хотел рисовать не как все, и что сны у него были о вещах нынешнему люду неведомых, но выразить саму суть этих особых вещей он не мог. И учителей хороших не попалось, и не понимал его никто.

Так, не обзаведясь семьёй к своим сорока, скитался он в поиске то работёнки, а то и просто выпивки. Раз оказался он

в одной деревне да прослышал, что стройка там идёт, церковь строят, и купец, что строит, вроде и старается, да не очень у него получается. И, мол, виденье ему было от самого господя, как строить, и как красив, должен быть храм тот. Да только опыта в этом не имеет, а понять его никто не может, ни наши русские мастера не ужились у него, ни приглашённые заграничные.

И пошёл Симон попытать счастья, авось подфартит, работу найдёт, да на сезон, а может и не на один. Знал он к тому времени уже как подать себя, не стал с порога говорить, что в поисках работы, сказал для начала что, мол, слухи идут, что храм особый тут будет, не удержался, заехал по дороге.

—Как звать-то тебя? — спросил видать распорядитель купца, что храм строил.

Симон подумал, да фамилию решил не говорить, вдруг всплывёт где его не всегда безоблачное прошлое. И вспомнил кличку свою детскую, что от деда к нему прилипла

—Симон Разя я. Не слыхали про такого? Ну, может, ещё прознаете скоро.

Посыпал знаниями, в иконописной мастерской нахватанными. Вставил фразу, которая запомнилась давно ему и самому нравилась, о солнечном свете в храме, о том, что именно он символизирует Церковь, является символом света Божественного. И понял, попал, в самую точку. Глаза у тиуна загорелись, побежал он куда-то, видать за хозяином.

А Симон оставшись сам по себе, вдруг почувствовал такое

вдохновение, какого с детства уже не чуял, когда ещё мечталось без оглядки, когда, выдавая фантазии за реальность, не было и мысли кого-либо обмануть, а лишь было желание чуток приукрасить серую бытность. И друзья, если и разоблачали какую выдумку, то заканчивалось это весёлым смехом, а не насмешками, а то и зуботычиной, как это бывало в кабацких спорах. Словно озарила его церковь эта. Заметив, что и мужики на него начали глядеть с интересом, он начал одному да другому советы подкидывать, благо в том, что не задерживался он подолгу на одной работе, была и положительная сторона. Впитывая, как губка все полезные навыки, у бывалых столяров да плотников, Симон хоть и не особо поднаторел в работе руками, зато тонкостей работы, как нынче говорят, «фичей» или «лайфхаков» набрался не от одного десятка мастеров. Да так в масть он выдал всё это на-гора, что мужики, вопреки старой русской традиции «не говори мне, как делать и я не скажу тебе куда идти», советы принимали, да ещё и благодарили. Поймал, короче, Симон такой кураж, что и сам внутри себя удивлялся до испуга: «Эко меня несёт!?!»

А когда сам купец пришёл с ним пообщаться да расспросить, возьми, да и ляпни: «Иду к самому Рублёву, в артель проситься, хочу творить так, чтобы происходило духовное перерождение и совершенствование человека нашего русского, и утверждение православных людей в вере. От самого бога было мне виденье, что могу я творить с его помощью

такое, чего раньше на Руси и не видели». Откуда и слова-то такие взялись в голове!

– Да тебя ж, мил человек, сам Бог-то ко мне и послал. И мне ведь было от Бога знамение, что построю я храм чудный во славу ему и Руси нашей. Да только стены-то построить одно, нашёл я люд мастеровой, а теперь красоту наводить, да каноны, ума не приложу как. Я ведь и сам к Рублёву послал, да только занят он (схитрил, правда, купец, сказали возвратившиеся, что Андрей в ту пору слёг), да и уехал, так что и ты его не застанешь, в Москве он. Пойдём, мил человек, покажу я тебе свод наш, да задумку свою расскажу, может, ты мне как советом поможешь, как зодчий человек.

Симон аж от неожиданности оглянулся через плечо – ко мне ли обращаются? Уже и пожалел, что такой раж на него напал, ведь, как известно, лучшее – враг хорошего. Хотел подработку разнорабочим, а вышло эвона как, зодчим уж назвали!

– Да ты не бойся, если ты с кем ехал, – увидев его оглядку, сказал купец – мы сейчас же в деревню пошлём, да вас пристроим и на ночлег, и банькой с ужином уважим. Так что, пособишь? Я в долгу не останусь!

И тут уж Симон как очнулся, подумал: «Что-то перегнул я, уж шибко круто себя преподал, больно падать-то будет с такой высоты. А с другой стороны, семь бед – один ответ, где наша не пропадала!»

– Да пойдём, конечно, купец. Дело ты затеял очень богу

даже и угодное, как же не помочь тебе.

Пока подымались по лестнице, а потом и по лесам под купол, поведал ему Тимофей, так звали купца, всю историю строительства церкви, от замысла, как его посетило божье знамение, до нынешнего дня.

Возвести церковь за один сезон, как это было принято для небольших церквей, не получилось никак. Естественно, если бы была она заложена в начале строительного сезона, в апреле, мае, или хотя бы в первой половине июня, может и сложилось бы. Да только весь прожект начался спонтанно, да и опыта таких дел у купца не было. Сам замысел к Тимофею пришёл, когда он ехал через деревню на ярмарку только в начале лета. Пока то, да сё, с батюшками договорённость, куда без них, заложение. Сразу после укладки фундамента начали возведение стен, по традиции Новгорода, где в отличие других городов, не перешли на безрастворные фундаменты. Короче, в первый строительный сезон, ко дню Воздвижения, успели только уложить фундамент и поднять стены до дверей. Сам посчитай, формовка и обжиг кирпича, рабочий день на строительстве хоть и определили длительностью в 12 часов, но он только от апреля до сентября, а ещё воскресные и праздничные дни. А надо ж ещё и свои дела делать, без денег-то храм не построится. Хотя кое-чем и добрый люд помог.

На второй год начали уже всё размеренно и подготовлено, и думал уже к июню начать роспись, а пока спрашивал

мастеровых, говорили все, что в небольших храмах, производили все работы по росписи за один сезон. Да только, как коснулось дела, те заняты, эти безрукие, а те без понятий. Даже туземцев с Европ приглашал, ну те-то совсем околёсицу несут. Так вот и застряли, а я ведь прямо вижу, как оно будет, да только как собака описать то в языке человеческом не могу. Ты уж помоги мне, я ж сразу в тебе увидел, ты человек божий и от того он в тебя талант и поместил.

Добрались они до купола, прислонился Симон к стене передохнуть, а купец начал было рассказывать, да запнулся, на Симона взглянув.

Симон стоял у стены. Бледный, отчего почти слился с белёною стеною, под глазами круги черные. А глаза, словно не видящие ничего, смотрели в пустоту, куда-то под купол.

—Ты чего мил человек, плохо тебе? С сердцем чего? Да ты ж и не дышишь!

А Симон вдруг от стены оторвался и так резко шагнул к центру на самый край, что Тимофей аж схватил его за рукав. Симон поглядел на него, словно вспоминая, кто это, и кто он сам и заговорил: «Количество окон в барабане должно быть чётным, и это вы правильно, что четыре сделали, ни шесть, ни восемь, тут нам много ни к чему. Тут нам надо свести воедино все внешние и внутренние составляющие храма, передать через архитектуру его и вид, и духовный смысл.

Тимофей обалдело смотрел на преобразившегося мужика.

–Внутри барабана изобразим как обычно Апостолов и чины Небесной Церкви – Пророков, Архангелов, Херувимов, Серафимов, Праотцев и Пророков. Изразцы и орнамент в декоре это ты сам наверно уже знаешь, распорядишься. А вот роспись самого купола будет повествовать не о Рае и святых, в нем живущих, а токмо о Боге, свет нам дающем и о Дьяволе, уготованном тем, кто от Бога отступится, как от Иисуса, сына его, отступились. И солнце будет падать на Бога большую часть утра и полдень, а в тени словно прятаться будет Дьявол со Тьмою и Адомъ, и готовить всю Землю к погибели!»

И так Симон всё это произнёс на одном дыхании, что Тимофей в невольном порыве встал перед ним на колени, обнял и сказал: «Спаситель ты мой, чего хочешь, проси, только останься, не гневи Бога, никто кроме тебя не воплотит мой замысел так, как я это вижу, ибо и в тебе, и во мне он самим Богом положен! Я расшибусь, всё своё состояние заложу, а только тут всё лучшее будет, и окна с самыми что ни на есть слюдяными рамами с переплётами из свинца, а не как в старом, деревянные рамы, да бычьи пузыри. Окна украсим резьбой из камня и изразцовыми наличниками, с орнаментом по выступающей кирпичной кладке. Краски, кисти самые что ни на есть лучшие, и купол позолотим, чтоб с тракта всем виден был, будет труд наш людям на радость! И тебя, слышишь, и тебя не забуду, век воли не видать, вот те крест! Сделаешь если всё по божьему завету, до конца жизни нуж-

даться ни в чём не будешь».

Глава 6. Читерство.

Это жулики! Они замышляют злоеущее преступление на крыше, ого-о-о! (с).

Астрид Линдгрен.

А в это самое время, над самым куполом, в месте, где скоро будет крест, аккурат, где в кармане подпространства лежал Аккумулятор, разыгралось необычное природное явление. Маленькая тучка, выгядевшая правда необычно плотно и чересчур черно, прямо искрилась электрическими зарядами и наверняка бы уже разродилась молнией в купол, если бы не ярко-белое облачко, севшее на этот самый купол, словно мохнатый снежный сугроб, неуместный для конца лета.

Давайте, прибегнем к нашему методу представления общения двух Сверхсуществ, как человекоподобных существ.

Дьявол был просто вне себя от ярости!

–Нет, ты реально думаешь, что я поверю, что вот весь этот театр происходит без твоего непосредственного вмешательства! Нет ну ладно, каюсь, пару раз в его судьбе я строил ему козни...

–Ну да, раз сто эдак – ухмыльнулся в бороду Бог.

–В этом суть моего здесь нахождения, я толкаю людей к производству максимума энергии! Стоит их жизни стать безмятежной, налаженной, и они становятся ленными, утопают в словоблудии, жрут как свиньи, и умирают от ожирения в

безыдейности.

–То-то он в детстве досыта ни разу не ел. Это ты всё заботился об его энергетике?

–Не увиливай! Один сны видит, другому видение, ну это ещё ладно, но ты видел, он заговорил-то как, ей богу, прости Господи, будто закончил семинарию только вчера, да не в кабаке вчера бухал, а в келье постился да молитвами душу свою бессмертную кормил!

–Ну ладно, настроил я его маненько на божий лад, чтоб он обустроил церковь эту, это ж как-никак хранилище Аккумулятора. К нашему испытанию это никакого отношения не имеет.

–Правда!? А то, что он теперь с Аккумулятором в паре метрах от башки его стоеросовой несколько месяцев будет, это так, ерунда? Да самый толстокожий и непробиваемый почувствует его при таком раскладе.

–Стоп, да не ты ли говорил, что они не могут почувствовать его в принципе, ну прям от слова никак.

–Нет ну мало ли что я говорю. Тут всё-таки у нас состязание! Короче так, я его от этой затеи отвращу, правдой ли кривдой, но торчать у Аккумулятора целыми днями я ему не дам.

–Ну, попробуй. Он уже почувствовал Зов и Силу Аккумулятора, он теперь к нему живым пока будет, возвращаться будет хоть на карачках, а потом поглядишь, ещё и дотронется до него.

—А и попробую!

—Да, конечно! Ты же в прошлый раз, правда, думал, когда мухлевал, что я не узнаю? Да только теперь «...если Ты Сын Божий, бросься вниз, ибо написано: Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнёшься о камень ногою Твоею» каждый знает. Прокололся ты! Промашечка вышла? Если ты и этому напрямую посоветуешь из-под купола сигануть или там ступеньку под ним подломишь, знай, договор расторгну! Он жить должен по своей воле, под куполом он под защитой Аккумулятора, я тут уже не причём. Да смотрю и купец к Аккумулятору прикипел, ты и про него думаешь, что не чувствует он Силы его, просто решил построить от доброты душевной храм мне?

На этих словах Бог улыбнулся, а Дьявол нервно сжал кулаки.

Ну, а по факту тучка вдруг испарилась, ни проронив, ни капли дождя, а облачко понесло ветром в сторону деревни.

Глава 7. Расплата.

Предательство знает моё имя (с).

Хотару Одагири.

Старая мудрость строительства и ремонта гласит – если ты думаешь, что работу можно сделать в какой-то промежуток времени, то умножь цифру на два, а единицу измерения возьми следующую. То есть думаешь, что что-то можешь сделать за два дня, значит, смело закладывай четыре недели.

Прошёл год. Симон так и жил, словно двумя жизнями.

Попадая под свод, трудился он с вдохновением и, не замечая времени, и всё у него спорилось, и даже когда только начал вырисовываться общий силуэт Господа на облаке восседающего, люди, видя его роспись, впадали в благоговейный трепет. Не замечая времени, Симон и про еду и даже воду тоже забывал, доходил до истощения так, что Тимофей брал пару мужиков и силой тащил его в деревню, чтобы тот передохнул, в себя пришёл, а не до сумасшествия скатился. А там, словно чёрт в Симона вселялся, чуть придя в себя, начинал пить горькую, а опьянев, буйным становился да про роспись свою говорил, всё тщета, жалкая мазня, и рвался обратно, всё стереть, чтобы сраму избежать. Себя же называл обманщиком и подлым лжецом. И тут уж снова ждал Тимофей, пока вырубится зодчий, брал пару мужиков, затаскивал его под купол, привязывал, чтобы и не свалился тот, пока не

протрезвеет.

Симон поутру просыпался ничего не помня, окатывал себя из ведра, а вода по осени, бывало уже, и ледком покрывалась, и так, в одном мокром исподнем, брался за кисти. Тимофей боялся за здоровье своего спасителя, рвался накрыть его отощавшие и проступившие острыми углами к октябрю плечи, а тот словно и не замечал ни его, ни холода. Только говорил как сам с собой: «Не надо меня было в деревню, демоны меня там осаждают, мочи нет. А тут мне успокоение и благодать».

Так произошло с небольшими отклонениями от сценария раза три. Уже и привыкать начал Тимофей к такому, теперь уже как брату родному, Симону, только страх снедал его, что не закончит тот работу свою, сгинет не от одного так от другого.

Пришёл ноябрь. Стены начали промерзать и работы решили приостановить. Храм заперли, обогревая собранной печью-временкой. Тимофей сначала боялся, что без работы Симон слетит с катушек, но тот словно сам дошёл до понятия, никуда не деться, до весны надо перерыв в росписи сделать, ляжет краска неправильно и всей работе конец. На постой определили его к Татьяне, муж которой погиб на службе в дружине под Москвой при набеге из Орды Едигея. Купец пошёл на это не без умысла, а деревенские поперёк его слова идти не смели.

К рождеству Симон поуспокоился и даже вроде как впал

в полу-спячку, а на Рождество запросился с обозом купца в Москву, дескать, посмотреть на приёмы иконописцев умелых, уточнить некоторые вопросы. Тимофей снарядился сначала сам поехать, тоже, мол, дела есть, но не сложилось. Сначала жена слегла, а начала она поправляться ребёнок заболел так жаром, что встать на ноги не мог. А как обоз выехал, хворь за полдня, словно по мановению руки, сгинула. Тимофей аж чертыхнулся, думал утром вдогонку за обозом поскакать, да метель поднялась, ну и плюнул он, чертовщина какая-то, видать, не судьба.

Только на третий день вернулись одни сани на двор, да не успел Тимофей одеться, выйти узнать что стряслось, как ввалился и сразу в ноги к нему кинулся тиун.

–Батюшка, прости ты меня. Знаю, как нам этот окаянный стодился и наказывал ты беречь его пуще ока сваво, да только беда приключилась. Аккурат на втором ночлеге напился он с мужиками тамошними, я уж как его держал, как держал, да только словно бес в него вселился. Да потом по пьяни-то он поцапался и одного там порезал. Ни в вусмерть, но всё же. Симон-то наш начал бахвалится, мол, свод расписывает в храме, да чудо как файно, придёте по лету все ниц падете, как увидите. А тот, на которого он с ножом-то кинулся, начал говорить, мол, знаю я тебя, какой ты расписывальщик, ты в прошлом лете у боярина нашего забор ставил, так и там накосычил, искали тебя, потом чтоб мордой об ентот самый забор и повозить. Ну и как начали мужики его колошматить,

когда нож-то отняли, а меня взашей вытолкали. А я сторожил, думал, утихомирятся, прокрадусь Симона выручить. Да только до утра они гуляли.

—Да что ты тянешь-то, как козу за вымя! Где он? Едем, выкупать его надо!

—Не надо ехать, он в санях вон в тулупе завернут, чтоб не околеть.

—Ну да что ж ты, дурья ты башка, тащи в дом, слава тебе господи, живой, живой.

—Живой батюшка, живой-то живой, да только мужики-то, оказывается, его через сени, на задний двор выкинули. Он на морозе лютом всю ночь пролежал, как и выжил-то, непонятно, лекарь говорит, конечности рубить надо, почернели, рубить надо пока гангрена не съела его всего, да жар не уложил совсем в могилу.

Тимофей смел тиуна с дороги и выскочил к саням. Схватил свёрток тулупий, как пушинку, и влетел в баню. Развернув на полках Симона, как ребёнка из пелёнок, заревел как раненный зверь. Много повидать пришлось ему людей, и в бою покалеченных, и пыток татарских изошрённых до смерти вкусивших, да только и те когда хоронил он их, лучше выглядели. Даже кровь уже не шла с друга его лежащего на тулупе, только где ребра пробили бочину, пузырилась она иногда от частого, как у собаки, дыхания. Кроваво-синие подтёки покрывали почти всё тело, глаза накрыли опухоли с кулак, разбитые губы ссохлись трещинами и не закрывали в паре

мест оголившиеся зубы, обмороженные ткани почернели.

–Что ж они с тобой сделали, ироды! Что ты наделал, Сима!

Тимофей упал на колени, ударив о пол кулаками, так что хрустнуло, ни то кость, ни то дерево.

Не стон даже, а звук подобный шороху раздался от умирающего. Тимофей, подняв голову, увидел, как едва шевелятся распухшие губы Симона. Он прильнул ухом, пытаясь расслышать, что пытается сказать ему, в последнем видимо желании, зодчий.

– Тима, ты это? Церковь. Неси. Слышишь. Там мне помереть надобно.

... Когда мужики затаскивали под купол Симона, словно потяжелевшего пуда на четыре, прям наваждение дьявольское, пар от них шёл такой, что лестница словно погрузилась в туман.

–Я же говорил топить, чтобы морозу на штукатурке не было! – кричал в исступлении купец смотрителю. – Запорю до смерти, змеёныш!

Когда положили Симона на прихваченное с собой сено и тулуп, Тимофей начал укрывать бездвижного уже зодчего.

–Вон пошли все! Вон, сукины дети!

–Сима, брат мой наречённый, вот она роспись твоя. Закончу я её, самого Рублёва достану, а закончу как надобно, ей богу!

Человек перед смертью в муках и боли страшен, а как уй-

дёт душа, так побледнеет и ослабнет, а лицо его умиротворение украсит. Это первое, что подумал Тимофей, когда лицо умирающего, осунулось, и даже опухоли будто начали сдвигаться. Он уже было заплакал, посчитав друга умершим и сгребая в последнее объятие, как тот вдруг застонал.

– Дай, дай хоть прикоснуться к облаку, что я под бога нарисовал.

Тимофей подтащил полегчавшее, как ему показалось, тело к стене.

– Вот, вот оно облако твоё. Скоро и ты на нём опочишь на небесах, милоч. Ты не бойся, Бог примет тебя, через то, как душа твоя чистая, бессмертная, а только тело грешно, дурень ты эдакий. Чудо как красиво оно, облако-то твоё, Симма. Солнце сегодня чудное, ты ж помнишь, как оно на морозе блестит. Хорошо мы с тобой не пузырь бычий, а самый что ни на есть, минерал на окна сделали. Если б ты мог увидеть, может и умирать бы, передумал – смеясь сквозь слезы, сказал Тимофей.

Симон протянул почерневшую свою культю с начинающими уже отпадать ногтями к облаку. На мгновение даже тень досады промелькнула в купце, испачкает ведь! От жуткого контраста почерневших обмороженных пальцев и блестящей, как солнце, белоснежной росписи, Тимофей невольно отвёл взгляд.

Как так, что это за вечное проклятие Руси! Почему и человек божий, и делом праведным занимается, а через горькую

эту, через змия зелёного, теряет всё человеческое. Что обличие, что умереть по-людски не может! И берет-то оно, пьянство окаянное, самых талантливых, да добрых. Жить бы, да добро творить, так нет, словно Дьявол, искушая, вселяется и как есть сжигает таких, лучших изнутри!

В мыслях этих взглянул он на лицо друга и отпрянул крепясь. «Свят, свят!»

Лик друга его был уставшего и бледного, но вполне себе живого Симона. Услышав ошарашенного Тимофея, Симон раскрыл глаза. Не заплывшие, а самые что ни на есть блестящие и чистые. Симон и сам ничего не понимая поднёс руку пощупать нос и веки, и тогда Тимофей схватил его кисть. Чернота обморожения сошла, а ногти были как у младенца. Глаза полезли у купца на лоб.

– Чудо! Чудо! – заорал купец так, что если бы дворовые в страхе опалы не убежали из церкви на улицу, то уже бы бежали вверх. – Сам Бог вернул тебя, не время тебе ещё, видать, эта церковь – наш тобой крест, брат. Ты мой Иисус, а я твой Киринаянин. Только прости, брат, но больше я тебя отсюда не выпущу!

– Да я и сам не дамся, даже коли силой гнать станешь, – устало улыбнулся Симон, и, опершись на локоть сел к стене.

Глава 8. Чудо.

... велики и чудны дела Твои, Господи Боже Вседержитель! (с).

Откровение Иоанна Богослова 15:3.

Через пару недель по деревне поползли слухи – господин умом двинулся. Поводов для этого было предостаточно.

Сначала он принёс в церковь этого доходягу, зодчего. Любому с первого взгляда на того было бы ясно, осталось ему пару дён, от силы пяток. Ну ладно, таскал бы купец ему еду, воду да одёжи смену, пока тот не упокоится, так он ещё послал на второй день гонца за кистями новыми и красками. Выдумал, что Симон, мол, оклемался и теперь не должен никто его отвлекать. Ну, с кем не бывает с горя, уж очень он на этого Симона рассчитывал, а тут лишился помощника! Да и привязался он к нему, как к брату.

Через неделю тиун прокрался в церковь и прислушался. Действительно, из-под свода слышен был оживлённый разговор, то ли спор, то ли объяснял кто кому чего. Дабы не навлечь на себя опалы, решили родные пока не перечить купцу. Пусть себе ходит, если уж запах от помершего пойдёт, надо будет вразумлять, может, кого от священнослужителей позвать, пусть они его горю помогут.

Но прошёл месяц, уже шёл февраль, а купец всё ходил и ходил. Тиун ещё пару раз проникал в церковь под предлогом

помощи с печкой, что прогревала помещение, дабы роспись не загубить. Запаха вроде не было, хотя и признаков жизни Симона тоже не было. Один раз купец вдруг остановился, словно прислушался, а потом махнул рукой и пробормотал: «Тьфу, Блаженный!» И улыбаясь каким-то своим мыслям, продолжил кидать дрова в потрескивающую печурку. Никого в церковь он не допускал – чего ходить, сквозняки наводить, да Симона от работы отвлекать. Тепло опять же беречь надо, зима на морозы лютой вышла.

А в середине февраля принесли купцу весть. Татьяна, у которой был на постое Симон, понесла, и говорит, от него. Уже месяца три как плоду. Тимофей пришёл к Татьяне в тот же день.

–Я тебя не виню, мужик он хороший. Поговорю с ним, чтоб вышел хоть на одни выходные к вам, только и ты не обессудь, выставлю охрану я с мужиков своих, чтобы ни капли в рот, и прямой дорогой от тебя обратно. Его, почитай, только церковь эта и спасла, и держит на этом свете.

И с тем ушёл. А на следующий день пришёл к ней и выложил на стол щедрый кошель.

–Симон передал. Только сказал, не хочет на глаза тебе являться в том виде, в котором он после бойни той, плох он ещё очень. Сказал, работу закончит к весне, там уж и спустится. Наказал тебе и себя, и дитё беречь, ну и сказал, что нужды у тебя никакой не будет, ну вон сама видишь, передал.

А в это время трое мужиков, оставив дозорного, чтобы

если что маякнул, решили проведать Симона. Подымались потихоньку, осматривая все помещения в пустом ещё здании храма. Один божился, что ещё, когда вверх шёл, слышал, как Симон или кто ещё, что-то напевал наверху. Только дошли они до самого верху, а так никого и не нашли. Ни живого, ни мёртвого, никаких признаков Симона. Ну не сожрал же его Тимофей!?! Однако кисти и весь малярный скарб был аккуратно разложен, а на своде была свежая, законченная уже почти, роспись. Красива, глаз не отвести! И только тиун, к мужикам обернувшись, сказал: «Чудеса!», как раздался под сводом голос: «Да что ж вы, как Фома неверующий, всё пальцы вам в раны надо засунуть, чтоб вера в вас была! Дадите вы уже спокойно работать!»

Кубарём скатились мужики вниз по лестнице, вылетели из дверей церкви, и ног не чуя, не оборачиваясь, помчали по снежной целине к деревне. Больше разведывать, что да как там, в церкви, никто не отваживался.

А Тимофей, несмотря на то, что Симон говорил не однажды ему не стоять над душой, да и примета эта плохая – видеть незаконченной роспись, не отходил от него почти целыми днями. Смягчившись Симон начал давать ему простые поручения, поучал, как краски растирать, да масло правильно готовить. Потом и дорисовывать кое-что за собой, рутину всякую короче. Не всегда получалось у Тимофея, но Сима терпеливо, раз за разом, повторяя, учил его доводить работу до совершенства. И сердце, у вроде уже и зачерствевшего к

своим полста годам, купца радовалось, как у ребёнка, леденец на ярмарке выпросившего. Не думал он никогда, что может и сам так вот творить, хоть и малую толику, но красоту.

Да только возвращаясь, домой в деревню, всё чаще чувствовал он, как накатывала вдруг ревность какая-то на него, к работе их. Мысли лезли глупые в голову. То привидится ему, что Сима ночью перерисовал его фрагмент. Словно даже простенький кусочек доверить ему нельзя, как безрукому и бесталанному, а только сказать постеснялся зодчий и оттого втайне переделал.

А раз ночью проснулся в поту, приснилось ему, что Сима говорит, закончив работу:

«Да ты ж мне работу не оплатил, а теперь я решил пусть моя она будет, договорился я вывезти её!» И потащили черти купол его по дороге, а Сима ехал на нём верхом, да смеялся назад оглядываясь.

Поутру жена не могла образумить Тиму, собрал тот все деньги, что в избе были, да умчал ни свет, ни заря, словно черти его гнали.

Придя к Симону, вручил он их, как тот не отнекивался.

–Нет, нет, – убеждал его Тима, отдавая немалый мешочек с золотыми – порядок есть порядок. Всяк труд должен быть вовремя оплачен! Хоть и сам понимал, что некуда Симе их не только тратить, а и просто девать, он и из церкви-то не выходит.

И ещё одна странность. Хоть и мыслей не было подгляды-

вать, а только точно знал, словно видел наяву, как Сима отбив кирпич вынул ещё один, сделав, таким образом, тайник и замуровал все данное ему купцом золото в стене храма.

И всё больше и больше, снедала купца ревность, и ждал он уже окончания работ по росписи с нетерпением. Всё казалось, что Симон каверзу готовит ему, или, показав законченную работу, обольёт всё известью, или обожжёт стены, улучив момент, всё чтобы поиздеваться над ним. И аж трясушка его одолевала. А Сима всё хитрил, работы всё меньше ему доверял, мол, уже окончание и всё надобно ему самому делать, чтоб промашки какой не вышло.

К марту, когда работы почти закончились и купец прикинул, что остаток он сможет легко закончить и с каким-нибудь мастеровым из простолюдинов, решил воплотить он свой план. Прошептал он: «Господи, всё ради тебя токмо!» Он подошёл и нагнулся к ведру, что стояло под ногами у Симы.

–Что ты бурчишь всё, Тимоха? – сказал, улыбнувшись тот.
–Да вот замесить надо побелки новой.

А оказавшись между стеной и зодчим, резко толкнул того к краю пролёта. Только руки его прошли через брата названного, как через пустоту. В следующее мгновение был он уже внизу глядя на высоченный свод. Руку его вдруг взял Симон и прижал к груди, взгляд его был понимающим и всепрощающим, совсем как у Иисуса на иконах, что видел Тимофей когда-то в Москве и поразивших в своё время его до глубины души.

– Как? – лишь смог выдавить из себя Тимофей.

– Я вознёсся в царствие небесное, брат, как Иисус, в тот самый день, когда принёс ты меня сюда, просьбе моей, внемля, и коснулся я чудотворной росписи нашей.

– А... роспись.

– Ты её закончил. Твоя любовь и меня спасла, и церковь эту, а всё через то, что избранник ты Божий и он ждёт тебя к себе.

Нашли Тимофея только ночью. Он лежал, распластавшись как на кресте, а на губах его играла улыбка.

Глава 9. Разбор аварии.

Да был ли мальчик-то, может, мальчика-то и не было?

(с)

Максим Горький.

Паралич или кома хуже инсульта скажете вы, ведь люди от инсульта поправляются чаще. А вот и нет. Это с нашей стороны, стороны мира живых, выглядит так. Но в коме, застряв в лодке на середине реки Стикс, проблемы земные уже так далеки! Человек в полной мере уже сознаёт всю брэнность и суетность мира материального. А в параличе невозможность движения, в наше время, когда человек стал глубоко социальным существом, конечно глубокое горе, но не сравнится с невозможностью общаться с окружением, с близкими.

Мельчайший сосудик, размером с комариное жало, лопаётся в твоём мозгу. Речь отнимается, и тело вроде бы и здоровое, но уже не слушается тебя, и ты понимаешь, что происходит, и у тебя есть ещё, о чём беспокоится потому как ты ещё часть мира материального, да только сделать ты ничего уже не можешь. Даже сказать о самом важном. Остаётся только думать по кругу, раз за разом: «Ну как же так, ну как же так! Мне бы сказать одно словечко или записку черкануть». Это сочетание полной беспомощности и при этом крайней необходимости завершить что-то, чтобы уйти из этого мира достойно, хуже не придумаешь.

Лежит так разбитая ударом бабка на смертном одре, мычит, стучит непослушной рукой в стену, мучается. Окружающие шепчутся, бедняжка, наверно страдает, и молитву прочесть не может и в грехах исповедаться, вот же угораздило, заранее надо было!

А бабуля мечется в ставшем тюремной клеткой теле и с ужасом понимает, что закопан в огороде горшок с фамильным золотом, и не говорила она о нём никому, никогда, с тех пор как спрятала, сначала от машины коллективизации, потом от оккупации немецкой, а после и за ненужностью до чёрного дня. Каждый год грядку сверху засаживала, с особым радением и любовью, да с мыслью, что перед смертью раскроет тайну детям и внукам, что до революции вели они свою родословную от дворян.

Заросла могилка бабкина травой через несколько десятков лет, дом наследники продали давно и живут уже в другом государстве. Да только перевернётся в один день бабка в гробу, когда незадачливый, третий уже, собственник её земельного владения, роя яму под септик, разобьёт лопатой в земле старый кувшин, а там засверкает золотишко.

Состояние Светоча, отдавшего всю свою энергию в попытках спасти хозяина, было примерно, таким как у этой бабули. Повинуясь закону самосохранения, он всплыл в высшие измерения, чтобы найти лёгкую энергию и не прервать своё существование. Он оставил приглядывать за хозяином двух существ, разделив свет и тьму, но делал он это уже в плачев-

ном состоянии и в жутком цейтноте.

Первое, что осознал, выйдя из коматоза Светоч, это то, что он не может самостоятельно перемещаться. Вернее он, скорее всего и раньше мог лишь виться, как ниточка за иглолочкой, за хозяином, но раньше он и помыслить не мог, чтобы идти куда-то без Души. Мог ждать его до следующего пробуждения хоть вечность. И он стал делать то, что никто не умел делать так хорошо как он – ждать. Душа соберёт себя из частиц, на которые разобрало его рождение нового мира рано или поздно. Он был уверен в этом. Почти. Он сделал всё, чтобы эти мельчайшие спиральки сохранили суть хозяина, выжили и восстановили его прежнее воплощение. И когда Душа выйдет обратно через Время, созданные мною Инь и Янь приведут его ко мне. Наверняка. И он ждал, и ждал, и снова ждал. А ожившее время отсчитывало года, миллиард за миллиардом.

И вдруг произошло это! Он увидел их, своих созданий. Мало того что Души с ними не было, а они покинули свой пост, так они ещё и плыли куда-то по своим непонятным делам, откуда у них могут быть какие-то дела!? Единственное ваше дело это встретить Душу, когда он вернется! Ну что за молодёжь! Верхом абсурдности ситуации было то, что они и на него не обратили ровно никакого внимания. Ноль внимания! А когда он послал им сигнал приблизиться, они не почувствовали его! Их сознание было для Светоча на уровне блаженного ребёнка, любопытного, беспечного и безумного

разума аутиста.

– Смотри, тут что-то! Может, кто-то?

– Я заметил, скоро я постигну смысл этого. Ты решил куда дальше?

– Я всегда знаю, куда. Я был создан для умения найти путь! Это ты до сих пор не можешь ответить, кто нас создал, и что есть наша цель.

– Хорошо, не бухти, я за тобой! Я точно знаю, мы должны кого-то найти! Постой, или дождаться. Я не уверен.

Второе, что теперь осознал Светоч, это то, что, как и наша бабка, он не может общаться со своими созданиями. Как же так, я должен помочь хозяину! А тёмный, меж тем, уже начал прогрызать стенку измерения, его немного дёрнуло выбросом энергии, но это его не смутило, он немного сместился, Слава Сингулярности, по направлению к Светочу, и начал снова проделывать дыру в пространстве.

Это его шанс, другого может не быть, куда бы ни шли эти ходоки, мне надо попытаться двигаться с ними!

Светоч мгновенно надул пузырь-оболочку, раздвинув измерение, в котором он так долго и бесцельно проплавал, и поглотил светлого и тёмного.

– Что? Что случилось, Капитан?! Куда мы попали?

– Я думал, по части, где и куда, ты у нас мастер, Навигатор! Это не результат твоей деятельности?

– Нет, я ничего не делал. Просто вдруг стало просторно и легко.

–Давайте, двигайте уже обратно к Времени, Душа, возможно, уже там! – воскликнул Светоч, но опять не был услышан.

Став незримым наблюдателем своих созданий, Светоч, не без раздражения, если перевести на человеческие эмоции, начал ждать осознания ими, что он взял их под свою опеку. Спустя некоторое время, немалое, если быть точным тысяча так десять лет, светлый сказал:

–Я ощущаю изменение, которое произошло после этого события. Что-то как будто собирает, точнее, накапливает или можно сказать аккумулирует энергию необходимую нам. Вокруг нас образовалась оболочка, защитная оболочка.

–Да. Я тоже чувствую. Интересно откуда она взялась?

–Что с тобой? Ты уже второй раз задаёшь вопрос о местонахождении. Куда и откуда, это твоя специализация, Навигатор! Я, например уже знаю, что нас защищает. Это назовём Аккумулятор. И теперь нам не страшны эти неприятности, которые я назвал Аномалиями. Прошу учесть это при прокладке дальнейших маршрутов.

–Вас понял, Капитан. Теперь добывать пищу станет легче! – и Навигатор начал прокладывать путь в направлении ровно противоположном направлению нужному Светочу.

–Аккумулятор?! Правда? Я ваш создатель, алё! С ума сойти, дожил! Я, хранитель знаний, я вывел в неисчислимое количество миров неисчислимое количество воплощений Душа, а теперь я просто оболочка для этих порождённых мною

в мгновение отчаяния сущностей,— произнёс неизвестно для кого Светоч. — И эти, ещё практически дети, к тому же развивавшиеся в одиночестве, как сироты, брошенные на произвол судьбы, Капитан и, как его там, Навигатор, моя единственная возможность найти Душу! Да на их эволюцию уйдёт вечность. Ну, давайте же, поверните назад, прошу вас, Время оно там!

Странная процессия, в которой не понятно было, то ли парочка ехала в пузыре, то ли пузырь оседлал их как двойку вороных, двинулась в очередное подпространство.

***

Спустя какой-то десяток миллиардов лет, парочка Сверхсуществ, именующие себя «Первые или Бесконечные», лихо выкатила таки на сверкающую и переливающуюся поверхность особенного измерения — Времени.

Вначале, когда Первые начали таскать за собой, или точнее на себе Светоча, он буквально умирал с тоски. Их разговоры в телеграфном стиле, отражающие их видимо такие же незамысловатые мысли, с многовековыми паузами на размышления и подбор правильных значений для выражения своего мнения собеседнику, действовали на него так же, как счёт овец на человека, твёрдо решившего побороть бессоницу. Бесконечный поиск энергии и бессистемные путешествия по разным измерениям. Светоч уже смирился с этим, ведь, в конце концов, это только его вина, он же их создатель.

Но с появлением защитного поля, которое он создавал,

двигаясь с ними, они начали развиваться по экспоненте. Его сместило поначалу их желание найти себе подобных и даже ещё один Аккумулятор, как они его называли. Он-то знал, что он такой один, уникальный и неповторимый.

– Хотя постой-ка, а откуда я вообще это знаю?

– Ну, как, это же, само собой, разумеется! – отвечал сам себе Светоч. – Нет, ну их-то создал я и точно в единичном экземпляре, единственных и неповторимых.

Но с течением времени он всё реже насмеялся над ними в этом театре одного зрителя. Скорость их мысли росла, в один прекрасный день они открыли для себя многозадачность и вот уже они одновременно обсуждали маршрут, спорили о вчерашнем дне, рассуждали о единстве времени и пространства, согласовывали терминологию. При этом параллельно расставляли изобретённые ими же, сначала примитивные, а потом всё более хитроумные приспособления, для перехода из одного места в другое, минуя несколько измерений, или для изменения свойств энергии, как они сами называли их – Развиватели. И вот спустя десяток миллиардов лет Светоч понимал ход их мыслей лишь урывками, они летали по измерениям, так что он не успевал понимать, что происходит вокруг, а когда они останавливались для каких-то своих экспериментов, он не узнавал окружение, в этих мирах ни одно из воплощений Души не бывало.

Так вот, в один из дней, эта парочка выкатила на поверхность Времени. Обычно они избегали низших, небогатых

энергией, измерений, а так низко не спускались никогда.

–О, я помню это место, ведь именно здесь мы с тобой встретились! – едва успел сказать Навигатор Капитану.

Ничто не предвещало какой-либо опасности, и вдруг, из подпространства внезапно ударила аномалия. Ну, по крайней мере, для Капитана и Навигатора, это выглядело так. На самом деле это Светоч собрал почти весь свой запас энергии, точнее, огромный запас собранной его созданиями энергии, чтобы пробить портал в одну из версий трёхмерной вселенной. Протоколы аварийной автоматики выбросили троицу в первичное, низшее измерение, непривычное для них, огромное и пустое пространство.

–Наконец-то! Я здесь! Душа, я пришёл. Как ты? – прокричал Светоч, он чувствовал, Душа здесь, более того Душа в движении. Но ответа не последовало. Душа был вокруг, в той или иной мере Светоч чувствовал его во всех направлениях, но Душа так и не собрался в себя, в единое целое! Да, задача оказалась ещё сложнее, чем он мог себе представить, да ещё и решать её ему придётся с практически под ноль израсходованной энергией!

Глава 10. Русский Икар.

Рождённый ползать – летать не может! (с)

Максим Горький.

Человек всегда смотрел в небо. Ну, то есть не конкретный человек, а... ну, вы поняли. Хотя и вполне конкретные люди тоже мечтали летать, как птицы.

Именно таким был и Тима Разя. Ну, тот самый Тимофей из хорошо известной нам деревни у церкви. Вы уже поняли, что был он праправнуком того самого Симона и Татьяны, а Тимофеем его назвали как раз в честь купца, что храм построил в деревне. Ну, а Разя от клички, что Симон взял за фамилию, чтобы обмануть того самого Тимофея, которого братом наречённым потом называл. Такая вот Санта-Барбара в русской глубинке, сам чёрт их не разберёт.

И отца его звали Тимофей, и деда, и прадеда. Конечно, Тима не узнает, но много поколений в его семье будут ещё Тимофей Тимофеевичи. Семейное предание говорило, что без помощи купца не выжила бы их прапрабабка Татьяна, когда прапрадед пропал, поэтому в семье и чтили его, как покровителя и спасителя. Более того купца этого, за то что он храм этот построил, и умер в нём, чуть ли не великомучеником чтили в деревне.

Жил он вместе с вдовой мачехой Анной и сводным братом Никифором. Дело в том, что были мужики в роду Разя

все крепкими и долгожителями, точнее даже не столько долгожители, а просто и пятидесяти лет часто жён своих детьми награждали. Да только и приключений не боялись они до седых волос и смерть свою в постели никогда не принимали. Чуть где, какой кипеж, снимались с места навстречу испытаниям, два раза звать не приходилось. Так и с Тиминим отцом приключилось. Говорили, правда, что здоровье это им давала как раз церковь, что предок их расписывал. Правда или нет, а и этот Тима с детства любил в этой церкви под куполом запрятаться, особенно когда летом окна слюдяные вынимали, чтобы воздух свободный церковь наполнял. Глядел он тогда подолгу, забравшись под роспись на потолке, на просторы родной стороны, на бескрайние поля и горизонты. Бывало, пока все четыре стороны по часу не проглядит, не уйдёт.

А ещё в детстве видел он часто сны необыкновенные, о людях необыкновенных. Люди эти были суетны, как муравьишки и жили в громадных муравейниках, выше даже церкви в деревне. Всё они куда-то спешили, были среди них ещё необыкновенные существа, не то предметы, не то животные. Внутри некоторых люди неслись куда-то, причём насколько не боялись, что были они внутри существ этих, а с некоторыми, маленькими как зеркальце, говорили как с людьми, а самое странное, что и те им отвечали речью человеческой. Чудно. Бывало, говорил он с людьми этими, а только и говорили эти люди быстро, словно вот-вот сорвутся

в бег и слова их были во многом непонятны.

А один сон поразил его больше других. Видел он в том сне землю далеко внизу под собой, как если бы он был орлом наверно. Так высоко, что и людей не различить, если были они там внизу, различались только реки, горы, озёра. Потом кто-то окликнул его, а обернувшись, он увидел, что сидит в телеге какой-то, только очень уж большая она была, как изба светлая. Шибко запал ему этот сон и с тех пор стал он мечтать о том, чтобы самому летать научиться.

Сначала он думал о крыльях, которыми бы он мог махать и за счёт этого взлететь, делая умозаключения, как и любой обычный наблюдатель за птицами. Но обладая особой крестьянской смекалкой, помноженной на свой природный талант, он прикинул вес курицы, которая, как известно не птица, и вес человека, и понял, что размер крыльев для человека должен быть просто огромным. Он откинул этот вариант. Другой человек, может, заодно откинул бы вообще идею о полётах, но Тима помнил о своих снах, в которых огромные блестящие птицы – стрелы, с замершими и вытянутыми в стороны, как лезвия, крыльями, внутри которых сидели люди, всё же летели. И точно помнил он, что птицы эти крыльями не махали.

Подобное он видел у ласточек и стрижей, за которыми он начал наблюдать часами. Видел он, как ласточка, вываливаясь из гнезда, превращала, с помощью своих вытянутых буквально вдоль тела крыльев, крутое падение в стремительный

полёт над водой. Только где ж взять такие крылья. Поймав ласточку, он долго и с завистью рассматривал перья, а потом, отпустив, мечтательно смотрел, как ошарашенная ласточка исчезала в небе. Он подолгу ещё мечтал, как люди начнут летать как в его снах, как прекрасна будет земля с высоты птичьего полёта, как благодаря ему дороги станут не нужны.

Начал он делать, как по-современному говоря, модели. Расщепит длинный прут, вставит по обе стороны гусиных перьев и запускает как копьё. Летит такая конструкция, да только перья под весом прогибаются, не могут опереться о воздух. Да и если в масштабе под человека такое соорудить, чем перья заменить? Гусей-то таких не бывает. А из дерева шибко тяжело получается. Придумал из бересты оперенье сделать, Она тоньше и легче. Только, как её сделать длинной и чтоб не сворачивалась? А кто больше всего знает о бересте, правильно, сборщик её для берестяных грамот. Начал их расспрашивать, а один поведал ему о бумаге, она, мол, и длинным свитком бывает, и легче бересты, и ровнее.

Только вот о бумаге, как массовом материале для письма, всерьёз тогда на Руси никто ещё и не думал, и хоть она уже начала появляться из Италии, а иногда французская, но была ещё редкостью. Везли её из Феодосии, и была она чудом чудным. Разузнал он, что у барина есть картинка, на бумаге сделанная. В ноги кланялся он тому, чтобы дозволил глянуть. Барин гордился своим приобретением, показал с гордостью. Только на рисунок Тима и смотреть не стал, а повер-

тел рамку в руках, да ещё и пальцем проверил её на прочность. Погнали его взащей со двора. Но зато идею о растягивании материала на раме запомнил Тима.

Так он дошёл и до пергамена для письма – искусно выделанной телячьей кожи. Именно на этом материале остановил свой выбор Тимофей. Кабы её натянуть в каркас прочный – самое то, и не так недостижимо, как бумага эта редкостная, и прочнее. Устроившись работать в городе к кожевнику, он досконально изучил выделку кожи. Родные радовались, парень наконец-то взялся за ремесло, а не об облаках мечтает день напролёт.

Он довольно быстро научился выделывать даже нежную коровью шкуру до толщины буквально неощутимой, как шёлк. Однако и пергамен был достаточно дорогим удовольствием, пришлось ему полгода проработать прежде, чем набрал, ну можно сказать, наэкономил, достаточно для двух крыльев. Не хотел его мастеровой отпускать, уж больно спорый парень, но и неволить, не смел. Тима вернулся в деревню.

Соорудил он крыло на каркасе по типу лука с натянутой тетивой, только натягивал он её не от рукояти лука, а к нему. Потом обшивал пергаментом, а когда тетиве давал обратную свободу, она так натягивала материал, что он аж звенел как кожа на барабанах. Посередине, прямо как у лука стрелу, прикрепил перекладину, к которой и крепился. Начал он прыгать с крыши амбара, да только полёта не получалось, затяж-

ной прыжок максимум. Да только прямо как по божьему замыслу, раз стоял он на изготовке на крыше, и подул ветер дюже добрый, так его прямо чуть в воздух и не подняло метров на пять. Упал он, правда, чуть ноги не поломав. Понял он, что нужна скорость ему, ну прямо, чтобы как те ласточки, когда из гнезда на обрыве вываливаются, набрать её от падения с высоты. А где ему такую норку взять на высоте? Правильно, с его любимого окна под куполом! На какие хитрости он пошёл, чтобы пронести и собрать своё крыло на церкви, мы уже не узнаем. Хотя вездесущие пацаны, которые уже можно сказать, фан-клуб организовали и ни одного испытания не пропустили, ждали этого полёта и жарко спорили, рухнет, полетит, шею сломает или поп прильёт.

Произошло всё в воскресный день, даже вроде праздник какой-то церковный был. Тима уже с утра был под куполом, чтобы позже никто из пономарей ничего не заподозрил. Как и в самом раннем детстве, чувствовал тут Тимофей особую свободу и умиротворение, что помогало ему сейчас настроиться на свой безумный поступок. Ну-ка сигануть с нескольких десятков метров, это тебе не с амбара. Думал он, глядя на роспись, и о Симоне, сколько старания и терпения тот вложил, чтобы такую красоту сотворить. Взять облако это под Господом, от настоящего не отличишь. Да и Бог, словно живой смотрит на него, вроде, как и одобряюще, а вроде, и спрашивает: «А сдюжишь ли, не подведёшь?»

– Не боись, не подведу! – то ли себя приободрил, то ли на

немой вопрос Бога с росписи ответил Тима.

Вот народ на службу потянется к церкви, а тут до деревни чуть ли не полверсты, растянутся по дороге, а тут я над ними, как птица! – мечтательно думал он.

Завидев первый народ, тянущийся к церкви, Тимофей перекрестился, подвязал пояс к жерди центральной и, протиснувшись, оттолкнулся что есть мочи, вытягивая тело в струнку. Засвистел ветер в ушах, изогнулся Тима, так что аж спину свело, и рухнул вниз как камень. Уже попрощался он с жизнью своей, толком не успевшей начаться, как вдруг словно подхватила его сила какая, крылья надулись и пике его, прервавшись, подкинуло его от самой земли вверх метров на десять и перешло в планирование, точь в точь как у ласточек, которыми любовался он в детстве. И полетел он над толпой односельчан, разинувших рты, кто в ужасе, а кто в восторге. И взмыли руки вверх, показывая на диковинную птицу. А пацаны бежали со свистом, крича с восторгом: «Это Тима, Тима Разя. Это он летит!»

Ветер развивал волосы Тимофея и трепал его рубаху. Он раскрыл широко глаза, пытаясь запомнить каждое мгновение своего полёта. До чего же красива земля их русская! Простор и свобода. А над ним летело, неизвестно откуда взявшееся и как прицепившееся маленькое облачко, некоторым даже показалось именно оно, дотащило его до деревни, где снизившись, русский Икар врезался в дровни в ближайшем дворе.

–Какие милые ангелочки и звёздочки, совсем как настоящие! – подумал, очнувшись, Тима. Это была толпа пацанов, бежавших с криками и гиканьем за летящим Тимой, и теперь наконец, добежавших до места его крушения, и склонившихся с интересом над ним.

Когда он открыл глаза, один из них радостно закричал: «Живой, живой!»

И только ребятня перестала двоиться у него в глазах, раздался другой голос: «А это ненадолго!» Это появились мужики во главе с Никодимом, деревенским иподиаконом, славившимся своей набожностью. И были они не восторженны Тимофеевым полётом, вопреки его ожиданию, а как раз наоборот.

***

Задолго до полёта братьев Монгольфье в 1783 году, был да Винчи, создавший идею и чертежи аппарата для полёта человека. Был и турок Хезарфен, перелетевший Босфор, на самодельных крыльях собственной конструкции спрыгнув с вершины Галатской башни. Однако религиозные лидеры посчитали опасным держать такого человека в столице Османской империи. Сослали его в Алжир, где он и умер, не дожив даже до возраста Христа.

И на Руси при Иване Грозном холоп Никита на крыльях из дерева и кожи, сиганул с Распятской колокольни. Пробыл он в воздухе якобы довольно долго, перелетел высокую стену, и, полетав вокруг Александровской слободы, приземлился на

берегу реки. Народ ликовал, но царь, заподозрив недоброе, распорядился: «Человек – не птица, крыльев не иметь. Аще кто приставит себе аки крылья деревянна, противу естества творит, за сие содружество с нечистой силой отрубить выдумщику голову, тело окаянного, пса смердящего, бросить свиньям на съедение, а выдумку после священная литургии огнём сжечь».

Позже при Петре был случай, мужику по его просьбе из государевой казны выдали 18 рублей – по тем временам сумма немалая. Тот на эти деньги соорудил себе слюдяные крылья. В назначенный день созвал бояр, перекрестился, стал махать крыльями, да не поднялся. Выбившись из сил, сказал, что крылья тяжелы, надо делать другие – из замши. На замшевые крылья дали ему ещё 5 рублей – и опять неудача: бегают мужик по двору, машет крыльями, что есть мочи, а взлететь не может. Тогда велено было бить дурака батогами и продать его имущество, чтобы хоть отчасти вернуть государевы деньги. Что манило простых людей ввысь? Наверное, то же, что и любого из нас – жажда безбрежной свободы, которую олицетворяет для человека полёт. Как у сейчас всем известной Катерины: «Отчего люди не летают так, как птицы? Знаешь, мне иногда кажется, что я птица». Только именно этого и не могли принять люди стоящие над ними, желания свободы. Не самой свободы даже, а просто желания и мечты о ней.

Такая вот незавидная судьба была у первых воздухопла-

вателей.

Так и с Тимофеем случилось.

– Ты это ж что удумал, паршивец, церковь нашу осквернить, херетик! Тащи, мужики, его, батогов ему надобно.

– Да разве ж можно без суда!?! – заступился было один.

– А когда батюшка службу закончит, так и калёного железа ему мало будет! – не унимался Никодим. – Ты ему на ноги садись, а ты на голову! А ты, пёс, с каждого удара кричать должен «виноват», а не то всю душу из тебя выбью!

Да только нанёс первый удар, второй, третий, а не только стона не услышал, а рубец на спине было образовавшийся, затягивался на глазах. Вскочили мужики с наказуемого, и Никодим выронил батога: «Истинно бес, чур, меня! Запираем его в амбаре! Это дело батюшке решать, по мне так сжечь беса, чтобы неповадно было другим!»

Когда ушли они, услышал вдруг Тима, как упал засов, отпёр дверь Макарка, один из пацанов. «Беги дядя Тима – сказал – Али лети, ежели можешь. Слышал я, как мужики шептались, не жить тебе!» И убежал.

Вышел Тимофей, поглядел на сожжённые мужиками крылья свои и пошёл. Вспомнил о негласном законе, что знали на Руси все угнетённые и обиженные: «С Дона выдачи нет!» Вспомнил и рассказы о вольной жизни, о воинской славе, которую может добыть тот, кто храбр, силен и ловок, кто умеет обращаться с саблей, кто, как ветер, скакать на лихом коне горазд. На Дон собирались беглые крепостные крестьяне,

холопы, городская беднота, ратный люд, доведённый до отчаяния тяжкой царской службой. В донские края пробирались группами и поодиночке, целыми деревнями и семьями. Вспомнил он и про ощущение свободы, которое он испытал в коротком своём полёте.

Вся дальнейшая жизнь его прошла в казачьей службе: в жестоких схватках с крымцами и злых сечах с турками, где снискал он почёт и славу за проявленную доблесть, за отвагу, за кровь и раны, полученные в боях. В одном из походов захватил Тимофей в плен молодую турчанку, которая стала ему женой. Стал Тимофей «домовитым» казаком, известным в Черкасске человеком. От прозвища, данного его предку Симону за пытливый ум, образовалась фамилия Разин. Но главной своей удачей считал он четырёх своих сыновей: Ивана, Степана, Фрола и Тимофея. Дети научились от матери турецкому языку, легко понимали татарский, а от отца досталось им здоровье, сила и отвага редкостная, да ещё это самое чувство жажды свободы.

А сына своего Стёпу выделял он больше среди других. Попросил крестной матерью Степана быть русскую женщину Матрёну, по прозвищу Говоруха. Была она набожной, а только и знахаркой слыла и приговоры, и отвары знала. Говорят, от неё Степа был заговорённым. Крестным же попросил быть войскового атамана Корнилу Яковлева. И представить не мог он тогда, что повезёт тот потом Степана в Москву на казнь.

Как известно, казаки не отличались набожностью, только когда сыновья подросли, собрал он их на богомолье в родную церковь к чудотворной росписи, предком их сделанной. Сыновей своих хотел отвести, чтобы и их посетило знамение божье, и любовь Бога на них обратить. Может, поэтому и чтят до сих пор сына его Степана Разина на Руси, как символ свободы и несгибаемой воли.

Когда схватили Степана, по Москве слухи пошли, что тот заколдован и смеётся над любыми пытками наперекор боярам. Только знал Степан, что над ним Бог, и никого кроме него, как и над отцом его в тот самый день памятный полёта его.

Глава 11. Политрук.

Весьма вероятно наступление невероятного (с).

Агафон (V-IV века до н.э.).

Чёрт бы побрал всех этих штабных крыс! Понятно, что военные сейчас не знают порой даже того, что происходит в соседней части. И это отчасти работа его и его коллег, думал Василий Крелин, командир секретного подразделения Отдельного отряда особого назначения НКВД СССР. По сути его подразделения ни для кого и не существует, официальные приказы Наркомата об их формировании выйдут только 26го июня. Но послать в место временной дислокации его подразделения, выполняющего особое задание, роту желторотых юнцов, проходящих курс молодого бойца в палаточном лагере, это уже слишком! Ну ладно, их начальники, растяпы, но наши то, как могли такое прошляпить! Кто-то же согласовал месторасположение их лагеря.

Ладно, обо всём по порядку.

Когда его ночью подняли из постели и повезли на встречу с Самим, он был спокоен. Василий не раз уже приезжал вот так, полночным гостем, к самым разным, и порой к очень даже высокопоставленным, а заодно, и высокомерным лицам. Он на такие операции ездил в форме общеармейской и невысокого ранга, и потому гневу таких лиц давал излиться на себя сполна. Знал он, и, что происходило потом, и как эти

же лица буквально через несколько часов с трудом можно было узнать. И в душе понимал, что люди эти просто попали между молотом и наковальней, и, что и сам он может в один обычный день, вот так до кучи, оказаться в таком же положении. И тогда, примеряя к себе такую ситуацию, невольно думал, что быстрая смерть при попытке к бегству иногда может быть гуманной и желанной. Хотя о способах побега, о том, как залечь на дно, как быть незаметным на виду у всех, он знал всё, абсолютно всё.

Но ещё он отлично знал, что если Сам решит, то никто, даже сам Бог, его не спасёт, и предпринимать что-либо будет уже бесполезно. Ни оправдаться, ни спрятаться не получится.

Трое крепко сбитых ребят, наверняка уже прошедших подготовку, конечно, смотрели на уже начинающего стареть Крелина без опаски. Они не могли и предположить, что эта сцена в едущем по ночной Москве «воронке», скорее похожа на сказку «волк и три поросёнка», чем на арест.

На секунду Василий даже чётко увидел в голове картинку, как на очередной ямке машина подпрыгивает, и в момент, когда зад его соседа ещё не разместился обратно на скамье, его шея с хрустом ломается. И прежде, чем сидящий напротив осознал природу этого неприятного звука, его переносица уже переместилась в самый центр головы, превращая мозг в кашу. Третий конвоир, Семён, выверенным движением поднимает плечо, выхватывая из кобуры пистолет, толь-

ко вот плечо его продолжает движение вверх, ломая ключицу, а локоть врезается в крышу. Кисть же его, управляемая этим неприметным сухим человеком с ничего не выражающими глазами, невероятно точно послала по две пули в шофёра Дёму, друга Семёна ещё с детства, и в сидящего справа от него Николая.

И так чётко Василий представил эту картинку, что даже испуг пробежал на мгновение по его лицу от мысли, что он и вправду совершил непоправимое. Семён же, с целой ключицей и лежащим на месте в кобуре табельным оружием, истолковав это по своему, сказал: « Не бойсь, не на допрос. Собирают много ваших, совещание, вроде как».

—А мне нечего, молодой человек, бояться, — ответил пассажир, хотелось бы сказать, улыбнувшись, да только от улыбки этой, многие бы заплакали, — Только вот когда я тебя повезу, ты будешь лбом в скамью всю дорогу, и пятки в гору поднявши. Так, на всякий случай, чтобы ситуацию оценить не мог — и так цыкнул слюной меж зубов, одарив Семёна ставшим вдруг колким холодным взглядом, что мурашки пробежали по спине всех троих.

Сбор прошёл чётко и методично. Все собрались вокруг круглого стола покрытого зелёным сукном в помещении без стульев с единственным светильником, бьющим ровно в центр стола, так что лица людей вокруг лишь слегка угадывались. Но Крелин все равно выхватил пару лиц старых знакомых, ещё с гражданской войны. Причём один из них давно

уже числился погибшим. Что ж, служба такая, иногда лучше быть призраком.

Потом пришёл Сам. Он был краток.

–Товарищи, у Партии есть для вас важное задание. Ваша задача – создание небольших мобильных оперативных групп, которые смогли бы в тылу потенциального врага в короткий срок создать укреплённую точку, базу, для снабжения и поддержки дальнейшей диверсионной работы, ведения сбора данных, с тем, чтобы в случае необходимости максимально облегчить продвижение в вашем направлении основных сил наших войск. У вас неделя на подбор и проверку кандидатов на нашей базе на стадионе «Динамо». В вашем распоряжении будет самое новое вооружение и амуниция. Для ваших семей с этого дня и до конца операции, а это пока август, вы на учениях. Никакой связи. Сейчас вам дадут пакеты с более конкретными указаниями и развезут по конспиративным квартирам. Удачи, товарищи, – и предупредительно махнув рукой – «тишина», ещё раз блеснул пенсне, обведя оперативников взглядом, словно вдруг ещё кое-что вспомнил, но так и ничего не добавив, удалился. Словно было это не самое секретное собрание этого вечера в Москве, а может и во всём мире, а просто шёл человек от одного столика в кафе к другому и подошёл поздороваться, заметив старых коллег.

Крелин был опытным оперативником, и поэтому первое, о чём он позаботился, выйдя из машины, это чтобы Семён,

так просто поделившийся информацией “... собирают много ваших, совещание, вроде как”, делал уже завтра свои наблюдения в одном из лагерей в Сибири. Охранником, для начала.

«Ну, в конце концов, я ж не зверь, чтобы сразу по другую сторону колючки заслать, парень то вроде по доброте душевной. Только добрых, наша служба и не любит, – подумал Крелин – от них все беды».

Василий сразу понял, что это за потенциальный враг, понял и о какого рода «учениях» идёт речь. Последнее время он инспектировал много воинских частей на западных рубежах. Видел недоумение не умевших сложить картинку из мозаики фактов оперативников, почему подтягивают к границе аэродромы, делая их более уязвимыми, переносят туда же склады, отпуска на лето не дают. Списывали это на безусловное доверие к дружественной Германии после подписанного Пакта.

Вспомнил Василий и об инженере танкового завода, сетовавшего на глупый запрос о возможности быстрого переоснащения танков с гусениц на колеса с шинами, для увеличения скорости. «И где они у нас найдут дороги, чтоб кататься на этих колёсах, по Красной площади, если только, совсем ум потеряли». Василий тогда быстро нашёл довод перевести говорливого инженера из машиностроения в лесную промышленность, на заготовки леса. В барак.

Теперь картинка сложилась окончательно. Значит этим

летом. Правильно, уж больно сильным становится разрастающийся западный сосед. Если бы не внутренняя контра, то ещё в 18-м были бы в Берлине красные флаги мировой революции.

И вот теперь, полтора месяца спустя, когда он с двумя десятками лично им отобранных бойцов, за три недели июня создал прямо на окраине леса в указанном в задании месте укреплённый скрытый опорный пункт, и ждал уже инспекции для оценки, в ста метрах от него устроили пионерский лагерь! Ну ладно, не пионерский, палаточный городок курса молодого бойца курсантов военного училища. Три десятка юнцов и пара-тройка командиров. Посланный им боец посоветовал под предлогом намечающихся учений молодому летёхе сменить дислокацию, но тот сказал, что у него тоже есть свой приказ и своё командование, хлопнув по своему нагрудному карману.

По-хорошему, стало быть, не хотят. Хорошо, будет, по-вашему.

Быстро родился план операции. Ночью снимаем стоящих на часах, без членовредительства, конечно. Потом скручиваем лейтенанта и второго командира. Отводим в деревню, оставляем привязанными к столбу и обещаем, что так будет каждую ночь, только с каждой следующей ночью, привязывать будем всё дальше в лесу. Заодно и тренировка по ведению сбора информации с помощью взятия в плен «языка».

Сказано – сделано. Проследили за расположением, посчи-

тали курсантов. Кроме лейтенанта, был ещё, какой-то, видимо, отставной, лет шестидесяти. Крелин вышел взглянуть на лагерь соседей только один раз, минут на пятнадцать. Отставной ходил неспеша по лагерю, останавливаясь то у одной группки, то у другой, видимо поучая, а может, просто травя байки. Что-то неуловимо знакомое показалось в нём и, наблюдая за стариком, он почувствовал грызущее чувство – хочешь, не хочешь, а наступит день, и будет он тоже на пенсии молодёжь поучать. Надо ребятам сказать, со стариком помягче. Назначив операцию на два по полуночи, он пошёл вздремнуть. Когда встал, все задействованные были наготове. В лагере курсантов всё стихло. Утомлённые занятиями с перерывами на пробежки и упражнения по военной подготовке, да ещё и на свежайшем местном воздухе, курсанты попроваливались в свои мальчишеские сны мгновенно, только вот старик пропал из вида ещё раньше до заката, наверно утомился и прилёг.

Один из часовых решился дара речи, когда прямо перед ним из земли вырос один из бойцов Крелина, на голову выше часового, а когда он, наконец, решился открыть рот, в него аккуратно встал кляп. Второй часовой и вовсе спал. С лейтенантом тоже всё прошло тихо. А вот второе место в палатке командиров было пустое, более того уже холодное. Вынеся лейтенанта из лагеря и вынув на секунду его кляп Крелин спросил: “ Кто второй и где он? И не говори, что в деревню ушёл на постой к бабе, к которой он утром ходил. Мы его с

вечера вели, из лагеря он не уходил”.

От ближайшей берёзки вдруг отделилась тень: « А второй, Вася, политрук. Политрук Корнев. А теперь ты мне объясни, что, чёрт побери, тут происходит?! Я твоих лазутчиков ещё вечером пересчитал и стреляю, если ты ещё помнишь из любого положения. Так что скажи бойцам своим без резких движений, мы все в РККА служим».

***

Спустя полчаса Крелин сидел со своим старым, ещё по чапаевской дивизии, командиром у костра.

—Ты извини, Тимофей Петрович, я не могу тебе всего сказать, но у нас тут даже не учения, дела посерьёзнее. Твои пацаны нам тут совсем не к месту.

—Да понял я, понял. Знаю куда ты ушёл, рекомендации у меня на тебя запрашивали, словно в Совнарком берут, с пристрастием. Завтра попрошу передислокацию у начальника училища, думаю, он вопросов, что да почему, задавать не будет. Я ведь сам это место выбрал. Корни у меня с этих мест, дед мой тут жил, тоже Тимофей кстати. Легенда какая-то у нас в семье с именем этим связана. Дед говорил, что эту вот церковь, Церковь Тимофея Апостола, наш предок Тимофей и построил, представляешь? Я тут в детстве-то часто гостил, все эти окрестности знаю сызмальства. Кстати, про преемственность, у меня в воспитанниках Вовки Миллера сын, помнишь Вовку то? Хороший пацан.

—Да как не помнить, помню. Вроде он хорошо по службе

пошёл после гражданской. Живой хоть? Сейчас с такой фамилией всяко бывает, в армии особенно.

–Жив-здоров. Сын его Ваня поступал к нам, так навещал он меня. Не то чтобы хлопотать о поступлении, нет, парнишка грамотный, толковый. Сам Володя после гражданской в разведке служил. Они ж в семье язык немецкий до сих пор с детства передают, ну он в Японии за немца-то и сходил, до поры до времени. Пока после удачно выполненного задания ориентировки на каждом столбе с его портретом не развесили.

Семья в Москве, а сам по-прежнему на Дальнем Востоке служит, воевал с самураями в Манчжурии, да и сейчас беспокойно там, говорит. Так что разрывается на два фронта. А фамилия, фамилия нормальная, они ж из немцев-то ещё при Петре на службу России приехали. Он рассказывал во время Первой мировой, с немцами, когда воевали, родственники его поменяли на украинский лад фамилию в Мельник. Только вот сейчас показалось кому-то, такая скрытность подозрительной и определили их во врагов народа, на всякий случай. Так что неважно, как зовут, главное за что бьют.

–М-да, на Дальнем Востоке беспокойно говоришь, а где сейчас спокойно – задумчиво проговорил Крелин. – Ты лучше скажи, как ты бойцов-то моих вычислил, где прокололись?

...Наступало утро, утро 22го июня 1941 года.

Глава 12. Переводчик.

Кейтель кивал одобрительно, но Йодль выражал сомнения (с).

Валентин Пикуль.

Курт и не думал, что его карьерные планы в одночасье так поменяются. Да, он получил, как и настаивал его отец, военное образование, но строить карьеру военного он никогда всерьёз не собирался. Конечно, его дед и отец гордились династией Мюллеров, все они были кадровыми военными, но время меняется, и инженерное дело, по мнению Курта, стало перспективнее. Но одна графа в его личном деле внезапно решила его судьбу за него. Знание иностранных языков – русский.

Столь экзотичным выбором он был обязан своему деду. Дед воевал на Восточном фронте ещё в первую мировую. Попав в плен, он оказался в самом центре России – в Сибири. Там он провёл без малого три года. Курт помнил увлекательные рассказы деда о загадочной стране на востоке, которая так огромна, что для того, чтобы проехать её из конца в конец на поезде, требовался почти месяц. Дед говорил о том, что ценой больших потерь хитрый Канцлер понял, что одолеть в лоб, хоть и не очень сильную на тот момент в военном отношении, но столь огромную страну не под силу даже Германии. Поэтому, он заслал своего шпиона, Ленина, в

самое сердце недовольных революционеров. И этот гениальный шпион был настолько удачлив, что сверг русского царя. Курт часто представлял как он, будучи шпионом, по заданию Канцлера проникает во дворец русского царя, а потом, спрятавшись за трон и дождавшись удобного момента, высказывает и направляет свою шпагу на негодного старикашку и заставляет того признать силу великого Рейха. Хотя нет, слово Рейх появится в его неокрепшей голове попозже.

Кроме ранения и кучи хронических болячек, дед привёз из плена кой-какое знание русского языка. И когда он начинал что-то говорить на этом нелепо звучащем для внука языке, тот смеялся и начинал, пародируя деда говорить, как ему казалось, на русском. Так и началось его изучение русского языка. Потом с началом школы появился учебник, а когда дед умер, Курт начал заниматься в кружке. И преподаватель, сам из русской белой эмиграции, относился к обучению как к самой важной дисциплине школьного курса, говоря, что Россия один из стратегических партнёров Фюрера, придёт время, и Германии понадобятся люди, разбирающиеся в России.

Война грянула для Курта как гром среди ясного неба. Когда встал вопрос о мобилизации, отец через свои связи устроил сына в интендантскую службу, а уже там он попал в подразделение, отвечающее за освоение новых земель Рейха, переводчиком, а по сути, правой рукой командира, тоже, кстати, знакомого отца.

Отец перед своей отправкой на передовую, наставляя, говорил сыну: «Мои друзья говорят, что это просто лёгкая прогулка, Курт. Народ встречает нас, как освободителей от коммунистов. Осенью приглашу тебя праздновать нашу победу в замок русского царя в их столицу, помнишь, ты в детстве мечтал там побывать. Россия – колосс на глиняных ногах и падает под напором нашей военной машины».

Курт, правда, вспомнил вдруг слова деда о больших потерях хитрого Канцлера. И о том, что, несмотря на успехи в свержении власти русского царя, Германия и сама потерпела поражение в той войне и была ввергнута в годы упадка, нищеты, разброда и смуты, Веймарской республики. Но разве великий Фюрер может ошибаться!

«И, кстати сынок, говорят, Фюрер после победоносной войны раздаст имения всем офицерам, так что ты там не только о службе думай, подбери нам что-то стоящее»! Отец не мог и подумать, как скоро он обретёт кусок русской земли, правда, в совместное пользование с друзьями, обещавшими лёгкую прогулку, в их общей могиле на подступах к Москве, где он собирался праздновать победу.

Но в конце июня, догоняя свою часть, стремительно наступающую на Восток, Курт, действительно видел какой сокрушительный удар, нанёс Вермахт. Разбитая техника русской армии, колонны военнопленных, горящие деревни, видимо, использовавшиеся загнанными коммунистами, как укрепления.

Его попутчик, постоянно восхваляя Фюрера и их великую армию, Курт даже удивился, насколько бесхитростно воздействовала военная пропаганда, рассказывал о тактике наступления. Передовые ударные части в этом направлении шли, дробя крупные соединения коммунистов и обходя мелкие очаги сопротивления, оставляя их глубоко в тылу. А их задача была в установлении немецкого порядка и налаживании работы с населением, готовым сотрудничать. Назначались полицаи, устанавливалась детальная информация об очагах сопротивления, и потом отрезанные от основных сил мелкие отряды окружались и уничтожались или брались в плен. Так было до этой чёртовой деревни.

Они уже хотели её объехать, для острастки выпустив пару залпов в дом на окраине, и послав туда группу из дюжины бойцов, как к ним прибежал один из местных жителей и радостно сообщил, что за церковью у леса стоял лагерь красных курсантов, все сплошь дети комиссаров и коммунистов. С наступлением войны стало не до них и их не эвакуировали. Когда немецкие освободители, которых, конечно же, с нетерпением ждал этот самый почитатель немецкого порядка, появились на подступах к деревне, они собрали палатки и ушли в лес, попрятались. Ну и он не мог не проявить свою бдительность и лояльность к новой власти.

Сразу развернули всю группировку в деревню, а дюжину пехотинцев, которых собирались оставить комендатурой, после обеда послали в лес, взять в плен молодых комисса-

ров. Местный, принёсший эту ценную информацию, тут же был поставлен в деревне главным полицаем. Начало темнеть, а группа всё не возвращалась. Тогда за ними пошёл целый взвод, четыре десятка человек, прихватив с собой проводником новоиспечённого полицая. Через полчаса из леса слышались разрозненные выстрелы беспорядочного боя, но через пару минут всё стихло. По заверению предателя оружия у курсантов практически не было, разве у парочки командиров, поэтому стали ждать группу с победой и пленными. Видимо от первой группы курсанты сумели спрятаться, и те ушли дальше в лес, а вторая нашла беглецов и пленила. Прождали до утра.

Тут рассказчик прервался. Он вспомнил следующее утро, когда над странной для немцев русской заброшенной кирхой появились первые лучи солнца. Они сделали облака кровавыми, как обычно бывает перед закатом. И в это время из леса появился русский предатель.

– Чудом, чудом ушёл, братцы, – бредил он. Бок его был прострелян, правда как потом выяснилось шальной пулей, и он потерял много крови.

– Там лешие, вот вам крест! Прямо из-под земли выходили и повсюду. Хорошо, я по флангу шёл, вдоль болотца, да отлучился по нужде, как задницей почувствовал. И когда первый из тех, кого леший прикончил, смог вскрикнуть, чтоб хоть как-то подать знак, половины немчиков-то уже и не было, исчезли просто, как сквозь землю провалились. А кто по-

бежал ещё и в ямы – капканы лешевы попадали, ноги ломали, да на рогадины напарывались кишками. Хорошо, я знаю в болотце там все проходы, отлежался, а как стемнело, оттуда рванул. Да только в сумерках видел я, как повылезали потом, курсантики-то енти, и демонам этим помогали убиенных стаскивать в овраг, да там и первый отряд лежал полностью. А двоих что ещё живы были, курсантик один допрашивал, ну чисто как немец, говорил. Точно говорю нечисто тут. А дьявол, которому он пересказывал-то, чертям своим только головой мотнёт или глазами зыркнет, они уж знают что делать. Суций дьявол. Я лежал, мхом накрылся, и не дышал вовсе, только это меня и спасло.

Ну, ему конечно не поверили. А другие в селе ещё и сказали, мол, русский герой такой был, Иван то ли Зузан, то ли Сусан, заводил врагов на погибель в лес. Допросили предателя этого с пристрастием, и повесили, другим чтоб неповадно было.

Но рисковать не стали и вызвали на подкрепление ребят из полка "Бранденбург". Лесок хоть не особо большой, но окружить полностью наверняка не удалось. Видать, ушла большая часть этих егерей, наверняка, их там не меньше пары сотен было. Иначе объяснить, что происходило дальше, невозможно.

Подогнали к лесу четыре танка, для прикрытия подхода пехоты, да только оказалось, что прикрывать надо было сами танки. Как потом выяснилось, у оборонявшихся была про-

тивотанковая винтовка, а может, и не одна, экспериментальная, наверно, до этого не сталкивались с такой угрозой наши. Хотя копия нашей, времён Первой Мировой, но усовершенствованная и переделана под советский 12,7 мм патрон. Пробивала танк чуть ли не в два борта. Кроме того применяли они ещё связки из гранат. Гранаты пехотные и от одной танку бы ничего и не было, но эти русские связывали их проволокой по пять штук, при этом четыре из них оказывались повёрнутыми рукоятками в одну, а пятая – средняя, в противоположную сторону. А подобраться к танкам им удалось по лазам, ну чистой воды лисьи норы.

Кроме этого, один танк подожгли бутылкой с зажигательной смесью. Танкисты, бывшие на подавлении восстания в Испании, говорили о подобной тактике, но там их поджигали фитилём, а тут была применена жидкость с основой из фосфора, самовоспламеняющаяся. Да и не кидали они их, а стреляли бутылками из винтовки помощью деревянного пыжа и холостого патрона, метров со ста даже наверно. Попала одна такая на двигательный отсек танка, и горящая жидкость затекла внутрь, начался пожар. Экипаж выскочил горящими факелами. Бегущие им на помощь падали замертво. Потом оказалось, два подлых русских снайпера сидели в кроне деревьев, как в гнезде, русские прозвали это «кукушкой». Их раскрыли уже в сумерках, когда в темной кроне, наконец, стали различимы вспышки выстрелов. Даже мёртвыми они не упали, привязаны намертво были. Потом наши прикину-

ли, они по двое суток были на дереве, уму непостижимо.

Это сейчас, когда мы смогли осмотреть и понять все эти их хитрости, стало понятным хоть немного, что происходило, а тогда многим, уж точно тем, кто был здесь с начала этой истории, казалось, что, и вправду, сам дьявол скрывался в этом лесу.

Ясно было, что готовились они к нашему приходу и готовились тщательно, видать не всех врасплох война застала. Блиндажи скрытные, лазы подземные, схроны с оружием, да ловушки. А когда накрыли их шквальным огнём подтянутой артиллерии, и с воздуха даже отбомбили, да зашли тремя сотнями, то дрались они до последнего, и о капитуляции слов не было, сущие черти. В плен взяли максимум дюжину, тех, кто контужен был, да без оружия совсем, и то пацанов. Заперли их в церкви у той деревни.

Доложили наверх, а там не поверили, сказали, если бы это правда была то, что рассказывают, стояли бы мы сейчас в десяти километрах от границы, и не факт что не по нашу сторону. Потому едет за вами следом штандартенфюрер из Оперативного штаба «Валли», разбираться, что да как. Будет самолично пленных допрашивать, так что вам повезло, первое задание и сразу такая возможность показать себя перед высшим руководством.

Глава 13. Однофамильцы.

Что в имени тебе моем? Оно умрёт, как шум печальный
(с).

Александр Пушкин.

Ивану никогда особо не нравилось его имя. Интеллигентная семья, потомственные военные и учителя, а имя, как ему казалось, крестьянское. Опять же фамилия, от предков с немецкими корнями, приехавших в Россию на службу ещё при Екатерине, не очень-то сочетается. Да ещё и мама, вслед за бабушкой, со своим «Ванятка». Ладно бы девчонка, Анютка, Машутка, да еще максимум в саду, а тут до самого конца школы. Иван уже и обижался и ругался, всё одно, бывало поназывают в отместку Иван Владимировичем пару недель и опять за своё. Отец, как и дед, был офицером и дома бывал редко. Иваново раннее детство проехали они по гарнизонам, а когда бабушка осталась одна, отец определил семью к ней в Москву. Надеялся и сам осесть где-нибудь на службе в златоглавой, но не тут-то было, Родине он был нужнее на границе, а точнее за её пределами.

После окончания школы даже вопроса не стояло, Иван поступил в военное училище. Бабушка, правда, причитала, «Куда всё наших мужиков-то всех повоевать тянет, ни жизни, ни семьи толком!» – но недолго, больше для порядка. Да ещё отправляя в лагерь, на курс молодого бойца, уговори-

ла Ивана крестик дедовский надеть, тот, мол, его всю службу проносил, почитал наравне с Георгиевским. Крестик этот только деда живым к ней и вернул, добавила. Да по великому секрету сказала, что втайне от мужиков наших покрестили они с матерью Ивана в церкви в деревне у прабабки его покойной.

“Ты понятно дело, внучок, в бога-то не веришь, да только есть он, обратиться к нему в трудную годину не зазорно никому”, – напутствовала бабуля.

А потом в лагере начальной подготовки, когда война началась, а с эвакуацией затянулось, пришла к ним с села женщина. Вера сказала, зовут её, но вроде, с политруком они знакомы, он к ней в гости ходил, когда мы в деревню прибыли. Сказала, немцы уже на подходе, взяли Минск, Львов, а под Белостоком наших войск в окружение много. Поберегитесь, спрячьтесь, а то всякая гнида голову начала подымать, не ровен час злобу свою на мальчишках, так она курсантов называла, выместят.

Политрук, конечно, её отругал, сказал, чтобы панику не разводила перед будущими офицерами Красной армии. Где ж это видано, чтобы немцы так быстро, словно беспрепятственно, прошли через границу Родины нашей и досюда.

Однако вечером пришёл из лесу к политруку какой-то военный, знакомый его вроде как. Пацаны весь день шептались о таинственных лесных военных, которые в первую же ночь повязали часовых и командира их, и только Петрович им не

по зубам оказался.

О Тимофее Петровиче, их политруке, отец ему рассказывал. Сказал легенда он и что служил отец под его командованием, ещё у Чапаева в дивизии, за разведку отвечал. Ваня, совсем недавно бегавший в кино на Чапая смотреть, ждал с нетерпением удобного момента, чтобы расспросить Петровича о его легендарном комдиве. Но с началом войны тот словно осунулся и обычная его разговорчивость в присутствии пацанов испарилась.

С лесным же гостем они долго и оживлённо, что-то обсуждали, а когда тот ушёл Политрук всех построил. Сказал, что его сослуживец имел связь с командованием и получил информацию, что немцы благодаря своему вероломному нападению без объявления войны, действительно имели временный успех в наступательных действиях на нашем направлении. Возможно, это просто тактика нашего командования, растянуть их обозы и потом нанести ответный сокрушительный удар. И нам выпала такая возможность присоединится к соединению, цель которого укрыться, а пропустив передовые ударные части врага, развернуть диверсионную деятельность в его тылу. Поэтому нам следует свернуть лагерь и проследовать в лес для разворачивания уже скрытного убежища.

Когда они начали сворачиваться, вновь пришла эта женщина из деревни – Вера. Она подошла к Петровичу и, поблагодарив за проявленное благоразумие, начала что-то обсуждать с ним про церковь, что стояла заброшенная рядом. Па-

цаны даже бегали на разведку туда, но видать давно её забросили, и в разграблении не стеснялись, остались голые стены, даже полы разобрали, и стекла с окон повынимали. Хотя когда-то та была, наверное, для такой деревни незаслуженно богатым строением.

Вера рассказала, что со времён Куликовской битвы воины со всей округи принимали благословение перед походом на врагов в этой церкви, и она хотела бы их тоже благословить в ней. Ещё она сказала, что война эта объявлена священной самим Сталиным, а значит даже он всех святых в помощь, в столь трудный час, призвать решился.

–Ты что, Верка, белены объелась!? Мы солдаты Красной Армии, а ты эти сказки деревенские... – начал, было, Петрович, но его знакомый из леса, прервал его.

–Погоди Петрович, я скажу тебе, из того что я видел за последнее время, дьявол, как по мне, так точно существует. А из того что я предполагаю, так в этой войне нам понадобится любая помощь. Бог не выдаст, свинья не съест, народная же поговорка. Были и на Чудском озере, и на Куликовском поле, и монахи и знамена, русские с ликами божьими. Давай, под мою ответственность, кто захочет с твоих, а я думаю и мои, пусть не все, но сходят.

Так и получилось, собралось десятка полтора к Вере на благословение. Иван не был никогда на службе в церквях, да и Вера походу не претендовала на роль священнослужителя. Да и не слышал он её повествования почти, потому как толь-

ко вошёл он в эти стены, и словно проснулось в нём что-то, понял вдруг, что забыл о чём-то важном и вот только теперь понял, что забыл, а что именно никак вспомнить не может, как наваждение.

Крелин же преследовал ещё другую цель и, воспользовавшись своим умением растворяться и исчезать в толпе, отделился и решил исследовать купол церкви на предмет возможности использования как наблюдательного пункта, а может и огневой точки, если вдруг придётся вступить в прямое боестолкновение. Хотя, конечно, очень бы не хотелось, ведь действуя по намеченному плану скрытной боевой деятельности, они бы нанесли гораздо больший урон врагу. Взбираясь по остаткам даже не лестницы, а остаткам креплений от неё в стене, он отмечал про себя толщину стен и фундаментальность постройки. Эх, побольше времени бы, да мощнее оружие, тут бы настоящую крепость можно соорудить было. Умели раньше строить. Добравшись до верха, он уже взялся за край одного из четырёх окон в барабане свода, чтобы подтянувшись на карнизе посмотреть наружу, как его словно молнией ударило.

Василий и раньше знал, что есть в нём какая-то особая сила и чутьё. Никогда и ни с кем он не делился этой своей тайной. Сколько раз он благодаря этой своей чуйке выбирался из, казалось бы, безнадёжных ситуаций, из засад и от облав уходил. Даже когда тот казацкий рейд, полковника Бородина, пришёл за Чапаевым в Лбищенск, отвела удача смертуш-

ку, что приняли там сотни его однополчан, от него. Сумел он выбраться из той сечи. Жалел только, что был далеко от комдива, не смог тому помочь.

И тут пришло к нему видение, так что его как будто вывернуло. Он даже подумал, что не заметил, как упал и разбился и даже застыл в ожидании, что вот-вот сейчас очнётся на полу. Но помутнение в глазах прошло, а он всё ещё был в проёме окна. Только вот неслись в его голове какие-то образы, то ли угрозы, то ли знамения. И такая тоска накатила, и вдруг понял он, не очередное это его задание, а самая что ни на есть главная битва его жизни. И здесь именно суждено либо устоять, либо полечь ему, и отмахнуться от этого наваждения не было сил, куда делось его железное самообладание, словно подменили его. А ещё стала ему неприемлемой мысль об использовании церкви в бою, словно именно её он должен здесь отстоять и не уступить немцам.

И Иван обратно в лагерь шёл позади всех, всё не мог отогнать желание оглянуться, словно провожал его кто-то.

В сумерках они перебрались в лес, а там к нему подошёл тот самый знакомый Петровича из леса, сказал, что знает отца, и что предстоит им непростая работёнка, и чтоб Ваня держался его.

Потом всё пошло не так, как задумывалось. Видимо, в результате предательства немцам стало известно, что мы здесь в лесу, и они конечно начали нас искать. И началось то, чего в нашем мире восемнадцатилетнему курсанту, только окон-

чившему первый курс училища, и видеть-то не положено, не то, что принимать участие.

Первая группа немцев шла, нагло напевая песенки и крича курсантам призывы быстрее сдаваться, чтобы не продлевать свои мучения, если они начнут сердиться. Всё кончилось действительно быстро. Василий, к которому Иван был прикреплен как к наставнику, и как оказалось старый знакомый отца, неправдоподобно точно прокричал филином. А следующее, что видел онемевший от страшной картины Иван, это как Василий не-то кувырком, не-то змеёй по-пластунски, оказался за спиной у немца, и его финка заработала, как игла бабушкиной швейной машинки.

Когда Василий потом поучал Ивана, тот пытался и не мог посчитать в уме сколько же раз нож вошёл в немца. А в глазах всё стояла картинка, как ещё дёргается в конвульсиях тело, получая следующий удар, а Василий уже осматривается по сторонам, готовый ринуться на новую жертву. На пояснении, что воткнутый нож ничего не решает, нужно ещё резко развернуть рукояткой нож и вынуть, чтобы дать крови новое русло, тогда давление упадёт и человек теряет силу и сознание, Ивана чуть не стошнило, и Василий понял, что перегнул. Он сказал: «Это понятно, что дико тебе видеть такое пока, но поверь, когда увидишь, как твои друзья гибнут, да каким изувером в своей ярости может стать враг против тебя идущий, никакой жалости в тебе не будет. Мы их не звали к себе. В гражданскую тяжелее было, там брат на брата, отец

на сына, бывало, и каждый за Родину, шли.»

Сказать, что Иван выжил в последовавшей в следующие дни бойне чудом, мало. Иван всю войну не мог даже толком вспомнить события тех дней. Помнил, как раздавали курсантам оружие, захваченное у этих и последующих немцев, как резко повзрослели его друзья, как Василий в одной из передышек взял его крепко за шею сказал: «Ты, Ваня, должен выжить! Бейся как лютый волк, но если увидишь, всё, конечно наше дело, как хочешь, правдами и неправдами выживи, ускользни. Нет подвига в глупой смерти! Это мне не будет прощения, ни перед отцом твоим, ни перед Родиной, если мы и рубеж сдадим, и тебя я не вытащу. Выживи, слышишь, это приказ, выживи и расскажи, как мы здесь умирали!»

А потом контуженный, то ли от снаряда, то ли от бомбы, Иван, видел как Василий, израненный и окровавленный, практически на одной ноге, накинуд на себя разбитую вражескую каску и изорванный китель с фашистскими знаками отличия, шатаясь и дико крича «Найн, найн! Хелфен Зи мир!», к появившимся немцам. Как те кинулись подхватить его, и как рванула последняя оставшаяся трофейная граната, разрывая Василия и ближайших к нему врагов.

А потом тьма контузии.

Глава 14. Баба Нюра.

Открою тебе секрет: безумцы всех умней (с).

Льюис Кэрролл.

Очнувшись, Иван не был удивлён. В кроваво-красном тумане его не-то сна, не-то забытья, не-то больного бреда был он в церкви, которая ужасно похожа была на ту, рядом с их лагерем, где благословляла их Вера. И очнувшись, он осознал, что, похоже, лежал в той самой церкви, глядя пустыми глазами в высоченный, оттого, что лежал он на полу, свод. Лежал точно так, как пять с лишним сотен лет назад лежал перед своей смертью после неудачной попытки сбросить из под купола этой самой церкви Симона Разю, купец Тимофей.

Солнце едва проникало в похожие на бойницы окна, освещавшие купол. Был он неаккуратно покрашен побелкой и только два пятна выделялись, одно от солнца, яркое белое, видимо от проплывающих облаков оно иногда шевелилось, создавая иллюзию объёмности. Другое тёмное на противоположной стене, настолько тёмное что казалось, собрало всю тень с окружающей поверхности. Подняв чугунную голову, и увидев ещё несколько бойцов с его лагеря, он окончательно убедился, да это именно та церковь. Как он попал сюда, может сон и не был сном?

Только вот во сне была церковь не заброшена, а как раз наоборот, аккуратно выбелена. В окнах были стекла разно-

цветной мозаики, а на потолке красивая роспись с картиной страшного суда или что-то вроде. Он стоял в центре зала, а с ним ещё несколько незнакомцев, в странной одежде, не-то иностранной, не-то шутовской. И видел он два пламени, одно ослепительно белое, другое завораживающе чёрное. И голос в церкви, что-то говорил о каком-то факте, почему-то из артели, хотя многое что там говорили, было странным, вроде и по-русски, а не понятно, о чём. И ещё о том говорили, что должен он спасти то ли кого-то, то ли весь мир, а для этого должен он думать сердцем, а не разумом.

И потом в его сне вдруг появился Василий с кровью, текущей по рваной ране на лбу, а тело его так и было разорвано гранатой, каким видел его Иван в последний раз, и сказал: «Выживи!». Потом вдруг мама стала звать его, да так тоскливо и жалобно, как и в детстве-то, никогда не звала: «Ванятка, сынок мой! Куда ж ты ушёл, куда забрали тебя эти ироды!» И так протяжно, протяжно, нараспев, как говорят местные, деревенские бабы.

Иван рывком сел, боль пронзила затылок, сознание вернулось как от резкого запаха нашатыря. Голос, последний голос, голос матери, был настоящим, не из сна!

Мама!? Как она оказалась здесь!? Как, здесь же опасно! Неужели она узнала, что их не эвакуировали, и приехала его искать. Как же она перепугается, увидев его таким. Нет, она ведь и сама в опасности, ведь наверняка его заперли здесь немцы!

Он вскочил, помутнело в глазах, но он пошёл к дверям.

– Миллер, стой! – истошно заорал его сокурсник, прижимаясь к стене, – Они стреляют во всех, кто подходит к дверям. Стой, Миллер!

Иван и вправду услышал звук затворов, но потом чей-то окрик и быстрая речь на немецком. Грохнул засов и двери открылись. Его ослепил яркий свет, начал было, поднимать руку, но автоматы в руках солдат резко отреагировали, и он замер, слепо оглядываясь по сторонам.

– Мама!?

Незнакомая женщина, почти бабка по городским меркам, хотя может и ровесница его мамы, ведь в деревне женщины рано становятся бабушками, кинулась к нему, собрав его в охапку в пояс и прижавшись к его груди щекой.

– Сынок, Ванятка! А я ж говорила, не верила, что ты умер. Хотя все только и талдычили, похоронили, похоронили.

Молоденький офицер, предупредительно держащий руку в сторону солдат, подошел к ним.

– Ты есть Мюллер? Ваньядка? – сказал он, тщательно выговаривая русские слова, – Как так? Этоо есть немецкая фамилия?

– Я Иван Миллер. Фамилия от предков.

– Да контузило его, господин – затараторила женщина, я ж говорю, как снаряд-то ваш в дом нам попал, батьку нашего зашибло вусмерть, а Ванятка вон потерялся, так я его ищу, сколько дней уже. Ванечка пошли домой, уж батьке-то де-

вять дней, а я всё тебя никак не найду. Сынок он мой, господин хороший. Домой нам надо!

—Да это сумасшедшая наша, Нюрка, гер офицер — сказал подоспевший новый, назначенный взамен повешенного предшественника, полицай, — Дом её вон с краю деревни. Вы, когда подходили и шарахнули по нему из танка. Так её мужа и сына и завалило, а её видать сильно в голову-то ударило, вот она и ходит всё, не верит, что сына убило, от него и не осталось ничего, могилка пустая стоит. Только этот, не её сын, Ванька-то. Это как есть коммунисткая сволочь, что в лесу окапывалась!

—Замолчать! Когда я разговаривать! Мне интересно обстоятельство всего здесь происходить. С вами мы разбираться позже!

Полицай, быстро представив разбирательство со своим предшественником, поспешно ретировался.

—Сколько вам лет, молодой человек? Вы, правда, воевать тот лес?

—18. Да, я защищаю свою Родину.

—Там погибать больше ста пятидесяти моих, и ваших бывших, соотечественник. Вы понимать, что я вас должен казнь?

Кровь прилила к голове Ивана, но крепко впилась в него эта ополоумевшая от горя женщина, а в висках забились слова Крелина: «...правдами и не правдами выживи, ускользни, расскажи, как мы здесь умирали! Нет подвига в глупой смерти». И он промолчал.

—Я отпустить тебя. Ты слишком молод умирать. Я уважать эту мутер, её семья наша вина. Это возместить её потеря. Теперь иди, и чтобы тебя никто не видеть, пока мы здесь. Иди.

Женщина отпрянула от Ивана так резко, что он чуть не упал.

—Спасибо, мил человек, есть же правда. А ты чего встал, как вкопанный, Ваня? Иди уже.

И она поклонилась Мюллеру так резко, что теперь уже он отпрянул так, что солдаты загоготали. Курт, чтобы выправить ситуацию, громко объявил, что отпускает этого русского к его матери, и что того насильно забрали в лес коммунисты.

—Мы не захватчики, мы освободители!

Вскормленные пропагандой молодчики дружно вскинули руки.

Идя по деревне, баба Нюра громко вещала, что сын её Ванятка жив и здоров. Что всё они напраслину на неё говорили, и видела она, когда дом их полыхнул, как он в окно успел сигануть. А теперь вызволила она его, французики напольёновцы отпустили его!

Соседи кто сочувственно качали головой, кто испуганно или виновато отводили взгляды.

Зайдя во двор, они прошли мимо обгоревшего остова бревчатого дома к бане, теперь, видимо, единственному жилью бабы Нюры. Едва зайдя в предбанник, Иван свалился в

беспамятстве.

Очнулся он уже под утро. Баба Нюра сидела у окна в свете маленькой лампадки и глядела на свой разгромленный двор. Иван начал было продумывать, как не обидеть свою спасительницу и объяснить, что произошла ошибка, как вдруг она сама заговорила, так и продолжая глядеть куда-то вдаль, так что Иван не сразу понял, обращается ли она к нему, или говорит сама с собой.

–Тебя, парень, и правду Ваней зовут или ты так, чтобы спастись? Мне-то всё равно, просто, думаю, моего бы Ваню кто так спас бы, если б он не полёг от снаряда-то вражин этих. Сам-то ты откуда?

–Я? Я из Москвы. И да, я Иван. Я думал, что только меня Ваняткой мама зовёт.

–Москва, красиво там говорят. Хотя немцы вон бахвалятся, что будут там, через пару недель максимум. Да только не сдадут её, пока не сгорит она дотла, как в 1812-м.

–Так вы не...

–Не сумасшедшая? Нет. Только мне и терять теперь нечего. И кто теперь больше безумен, я или фашисты, творящие такое. Думала я сначала спалить их гнездо осиное, да вы им там, в лесу, такого жару дали, что они теперь засели как в крепости, тени собственной боятся. Не подойдёшь. Мне, сынок, сам Бог тебя спасти велел, хочешь – верь, хочешь – не верь. Тайная реликвия у нас в семье есть, иконка вот эта.

Женщина подняла с подола икону, которую Иван принял

сначала за кирпич, лежащий на коленях у хозяйки.

—По легенде моя прапрапра, не знаю, сколько пра, сидела так в доме, аккуратно на месте бани этой, а по шляху тикал всадник от татар ещё. И закинул он иконку эту прямо в окно, видать, знал, что не уйти от погони ему. След от стрелы татарской на ней даже, спасла она, видать, его, приняв на себя остриё, да только ненадолго. Они потом его вместе с церковью старой сожгли. И берегла нас иконка эта от татар, от поляков и от французов. Даже мужики с войн все целыми домой возвращались. И не только в нашей семье, а во всей деревне, за редким случаем. Все в деревне говорили, что это церковь наша такая чудотворная. Да только мы-то знали, что это от иконки этой. Только видишь, от этой немчуры не спасла она, видать, сам дьявол за ними. Хотя, может, мы сами этого заслужили? В 19-м году ещё церковь закрыли, а она бог как красива была. Креста сбили, внутри образа зашпатлевали, покрасили. То школу, то дом просвещения хотели устроить, а кто даже скотный двор, басурмане. Только не очень у нас она удобно расположена. У всех в деревнях церкви на самом красном переулке, в центре, а у нас поодаль, да на горке у леса. Как так получилось, никто не знает. Так и забросили её. Только не мы это от Бога отвернулись, а он от нас. Теперь нам и воздалось наверно, через это. Я вот заметила крестик у тебя и прямо на сердце легче, видимо есть ещё бог в нас. Ты, сынок, отдохни ещё чуток, да только слышала я, едет сюда ещё начальство их высокое на разбирательство.

Бежать тебе надо. Я тебе одёжку собрала сыночка моего, у нас дороги-то только просёлочные. Тут немного их, немцев то, думаю, доберёшься, если по ночам будешь идти.

И Иван ушёл. Всю войну глодало его чувство неизгладимой вины, за то, что он остался жив, а ребята его, нет. И громил фашистов до самой Румынии. А после войны всё не мог собраться доехать до бабы Нюры, Анны, что спасла его.

И только спустя три года после войны узнал он, что дождалась она приезда штандартенфюрера, да и уложила его из двустволки мужа, как раз напротив дома своего сгоревшего, из-за оградки. Первым среагировал огнемётчик Ханс, тот самый, что церковь сжёг с расстрелянными, пока она пыталась ружьё перезарядить, полил её пламенем. Там и свалилась она у ограды баньки своей, всё пытаюсь вставить упрямый патрон в ружьё. А потом произошло то, что заставило немцев опять о дьяволе заговорить. Какого чёрта понесло Ханса во двор, ведь дом-то уже и так сгорел, уже никто не узнает. Только от лежащей уже неподвижно женщины-кострища грохнул выстрел, и баллон Ханса превратился в шар огня, сжигая заживо его и троих его друзей-карателей.

Немцы выжгли всю деревню, и рассказать бы некому было о произошедшем, если бы Вера, местная учительница не схватила сразу своих учеников, кого смогла, и не скрыла в погребе, обвалившемся, на огороде своём, у самого леса. Несколько дней они сидели, как мыши, глодая проросшую картошку.

Похоронить, хотя бы останки в могилу положить, из всех жителей деревни Вере удалось только Анну, от остальных только пепел в сарае, где их сожгли, остался. Да и Анна спеклась вся, до последнего обнимая доску с обуглившейся краской, ту самую икону.

Глава 15. Дух света.

... и Дух Божий носился над водою (с).

Книга Бытия.

Душа не был чем-то вечным. Он был как воздух. Пока ты дуешь, он ощущим, как только движение затихает, его как бы и нет. Но и сказать, что он умирает, тоже нельзя. Ведь воздух никуда не исчезает. Но Дух Света, так звали Душу в этот раз, этого не знал. Каждый раз, когда движение призывало его вновь к жизни, он не помнил, что с ним было до покоя, не знал ничего, кроме Светоча Жизни, своего друга во всех своих ипостасях. Поэтому он всегда с интересом расспрашивал Светоча Жизни о том, откуда он взялся и почему Светоч знает так много обо всех бесконечных мирах, но при этом перемещаться может только за ним.

Светоч делился всей накопленной информацией, но никогда не раскрывал тайны о предыдущих воплощениях Души. Правда, чтобы не путать своих хозяев, а именно так, наверно, правильнее всего можно охарактеризовать распределение их ролей, Светоч жизни называл Душу каждый раз новым именем, обычно по выполняемой основной роли в конкретном цикле существования.

Нынешний Душа был прозван Дух Света. До этого у Светоча в хозяевах были и «Уходящий Один», это в тот раз, когда Светоч не смог последовать за Душой в одно труднопро-

ходимое измерение, и «Вялотекущий», имя говорящее само за себя, и «Не поздоровавшийся», это когда Душа пришла в движение на столь короткое время, что они не успели даже познакомиться.

Хотя о чём это я – «Короткое время». Время тогда ещё не было ни коротким, ни долгим. Оно было низшим и статическим измерением. Иначе как бы можно было называть Душу «Уходящий Один», если, когда он ушёл, называть было бы уже некого, а до этого он вроде ещё и не ушёл.

Нам, существам трёхмерного мира, этого не понять.

И Светоч не мог понять хозяина, когда тот летел над бесконечным зеркалом времени и в который уже раз спрашивал: «Как это – последнее измерение? Что-то же начинается, когда оно заканчивается».

– Там просто Ничто, огромное в себе и отсутствующее для окружающих. Раньше там обитали исполинские чёрные дыры, ненасытные, как червоточины, и беспощадные, как аномалии, и когда они пожрали друг друга, одна, самая огромная, попыталась пробиться в наши измерения через Время и остановила его своим первобытным холодом. Но Время, застывая, превратило в свою очередь, её в Ничто. И с тех пор время самое низшее измерение.

– Ага, вот видишь, значит, там всё-таки что-то было. Может я смогу увидеть это Ничто.

***

... И всё-таки он сделал это, упрямое вездесущее созда-

ние! Как он нашёл в безупречной бесконечной поверхности Времени этот изъян, Светоч не успел понять.

Первое, что увидел Душа Света, проникнув на ту сторону Времени, это, как что-то пытается вырваться, бьёт по оболочке пузыря, переливающегося чёрным зеркалом. Он прильнул, пытаясь разглядеть, кто там внутри, и увидел себя, он сам пытался указать себе на что-то за его спиной. Поворачиваясь, он чуть не лишился чувств, от головокружения, захватившего его. Вот он был снаружи и уже это он стучит изнутри пузыря, а снаружи, как бесконечно повторяющаяся в калейдоскопе картинка, пузыри, пузыри, пузыри, в которых он сам снова и снова, пытается указать тому другому себе, на что-то снаружи. А там, снаружи, бьётся, раскаляясь, Светоч жизни, не в силах пробиться к хозяину.

И вдруг Взрыв, ослепительно-белый взрыв. Или это было до того?

–Какая же она Чёрная, она сам свет в чистом своём проявлении? – подумал Душа, когда обжигающе-белое зарождение материи, основной формы этого измерения, уносило его мысль со скоростью света, подобно вибрации по струне, устремляясь в бесконечность.

***

Светоч и представить не мог, что всё может быть так плохо. Настолько плохо. Никогда, даже когда, казалось, хозяин замер навсегда, и он лежал как пёс, смотрящий, не мигая, на брошенную игрушку, боясь упустить момент, когда она вот-

вот вдруг шевельнётся.

Когда этот упрямый Дух Света всё-таки провалился сквозь зеркало последнего измерения, всколыхнулись, казалось, все измерения. И затем Ничто стало поглощать Душу. Когда ничто не смогло поглотить его, произошёл взрыв, Большой взрыв. Вся материя, собранная в точку, вырвалась, разрывая всё на своём пути.

Я сказал, воздух никуда не исчезает? А Душа не умирает? Но ведь если даже не сам воздух, а всё имеющееся вещество распределить по всей вселенной равномерно, то вакуум поглотит, ассимилирует его. Хранитель духа расщеплялся на мириады мельчайших частичек и был раскидан на бесконечные просторы рождённого им мира, который со свирепостью выпущенного на волю дикого зверя разносил хозяина Светоча всё дальше и дальше.

Поняв, что ему не удержать Духа Света единым целым, Светоч принял единственно правильное решение. Он начал делить Душу, в надежде, что один из осколков уцелеет, сохранит в себе хотя бы частичку Души, но они всё сгорали и сгорали, а ему приходилось делить всё меньшее и меньшее, и делать это всё быстрее и быстрее. И вот осколки уже столь мелкие, что не вмещают в себе сознания Духа. Он, давший жизнь свету, сам погибал в его ослепительном пламени.

Раскалившийся добела Светоч, отдававший всю свою энергию в попытках спасти хозяина, наконец, поплёк и замер. Повинуясь закону самосохранения, он должен всплыть

в высшие измерения, где бы он смог найти лёгкую энергию, но кто-то должен остаться приглядывать за хозяином. Что же делать? Время как застывшее было стекло, сначала покрылось мелкой рябью, разбиваясь на версии самого себя, а потом словно растрескалось и превратилось в то бесконечное сетчатое переливающееся поле, которое так восхитило Капитана, появившегося здесь в тот самый момент, когда, собрав последнюю волю, Светоч разделил свет и тьму.

–Ты кто? – спросил тёмный.

–Я, Капитан. Я – знание, кто есть кто, и что есть что, и что следует сделать! И каков путь.

–А я Навигатор. Я знаю, как и куда идти, и где, кого или что найти.

Это было последнее, что услышал, проваливаясь в высшие измерения за собственным спасением, Светоч.

Глава 16. Вера.

У детей нет ни прошлого, ни будущего (с).

Жан де Лабрюйер.

Вера, конечно, хорошее имя для девочки, но, пожалуй, ни в одной деревне не было столько Вер на единицу населения, сколько в её родной Тимофеевке. Вер и Тимофеев.

Детство в деревне. Некоторым оно может представиться беззаботным времяпрепровождением в экологически чистой среде, на природе, с огромными, ну, по крайней мере, в случае с Верой, просторами и красивейшими пейзажами. Но нет, Вера всегда вспоминала своё детство в деревне с чувством потерянного времени, когда дня не было, чтобы она не мечтала уехать и жить в городе, купаясь во благах цивилизации.

–И в кого ты такая? – часто с упреком спрашивала мама. Верин нрав действительно резко контрастировал с традициями её семьи. Все они, много поколений по неведомой Вере традиции были привязаны к этой Тимофеевке. Вот, казалось бы, прадеда их с семьёй раскулачили в 30-х и сослали в Сибирь, куда-то у Кемерово. Там они впрочем, неплохо устроились даже. Ведь вопреки утвердившемуся мнению новой власти, не наворовали они своё «зажиточное» кулацкое хозяйство, а заработали тяжёлым трудом, упорством и сноровкой. Для деда, уехавшего с семьёй на подводе, запряжён-

ной коровой, трёх лет от роду, по всем канонам этот посёлок с чудным названием, то ли Новый, то ли Верхний Бериккуль, и должен был стать родиной. К тому же эта ссылка, как оказалось, спасла им жизнь. Когда Тимофеевку сожгли, они жили в относительном покое на новом месте. К тому времени они вели уже неплохое хозяйство, а богатая сибирская природа щедро снабжала их своими дарами в голодные для воюющей страны годы. Дед рассказывал маме, как спал на сундуке полном кедровых орехов, а мёд и рыба не переводились у них.

Когда прадед, воюя за Родину, получил от неё прощение за то, что в эпоху коллективизации имел неосторожность жить чуть богаче основной части крестьянства, семья получила право покинуть ссылку. И дед в начале 50-х не придумал ничего лучшего, как вернуться обратно в Тимофеевку, разграбленную и сожжённую во время войны. Деревня была отстроена заново, а поскольку их двор был раньше в самом центре, там построили администрацию, и ему ничего не осталось, кроме как занять участок своей тётки Анны. Муж и сын её погибли в самом начале войны, то ли от артобстрела, то ли от авиабомбы, а сама она даже подвиг совершила вроде как, расстреляв шедших по деревне карателей. Даже хотели ей памятник поставить, но потом памятник поставили военным, что высоту у деревни обороняли.

И что заставило деда остаться тут и с нуля начинать строить свою жизнь именно здесь, загадкой было для Веры, ну

что стоило податься в город, раз уж так жизнь повернулась?

Она вот к своим ещё неполным тридцати считалась в своём окружении состоявшейся женщиной. Любящий муж, хорошая работа и у неё, и у мужа, уже выплаченные кредиты за квартиру и машину. Она всегда с готовностью соглашалась, когда ей говорили, какая она счастливая и как ей повезло. В душе же она знала, что всё это не пришло само, что именно её целеустремлённость и умение расставлять приоритеты стали прочным фундаментом тому чего она добилась. Она получала образование, когда все ринулись зарабатывать шальные деньги, катаясь челноками и осваивая рынки «диких 90-х». Они с мужем прошли голодные годы начала карьеры, когда будущее было таким неопределённым и туманным, но они жили завтрашним днём, отвергнув сиюминутные соблазны.

Зная нелюбовь жены к родной деревне Саша, её муж, немного удивился, когда она засобиравалась в деревню к маме.

–Несколько дней? А как же клиника? Что-то случилось?

–Нет, ничего особенного, просто давно обещала маме, а у неё что-то со здоровьем последнее время проблемы. Съезжу, так сказать малую родину повидать, заодно маму к специалистам свожу, потом у себя проконсультируюсь.

–Мне поехать с тобой? Что-то серьёзное? Могу взять пару дней отпуска, хотя сама знаешь, у нас вечный напруг с этим, обратно уеду, скорее всего, раньше.

–Да нет, не стоит, Саш. Тем более, может, заберу её потом

сюда на консультацию, повидаетесь, а там, в деревне, тебе тоскливо будет в первый же вечер.

—Ну, ладно, как скажешь, — с видимым облегчением ответил он, — Но, если что звони. Я подскачу.

—Ага, спасибо. Приветы передам. Ты тут без меня не скучай. Хорошо?

За те несколько лет, что Вера не была у мамы, по большому счёту ничего не изменилось. Местные нувориши перестраивали дома, как им казалось на современный лад. Но Вера только подумала про себя: « Можно забрать человека из деревни, но деревню из человека никогда!» Ну, ещё отреставрированный храм радовал выбеленной новой оградой и благоустроенной дорогой к нему, с ровными газонами по сторонам, отчего пейзаж стал по-западному чистеньким и благоустроенным. С другой стороны он потерял какую-то исконно русскую уютность. Как-то роднее было бы видеть покосившуюся изгородь, с привязанной козой, жующей сочную траву по колено. Вера подумала: « Надо будет зайти потом, посмотреть. Мама писала, отреставрировали там всё по полной программе, теперь абы в чём не зайдёшь».

Мама встретила с радостью.

—Что же ты раньше не предупредила-то, дочка!? Я бы узнала, может, кто свинью закалывал, мяса бы свежего взяла к приезду. Себе-то я редко беру, на Новый год разве что.

—Мам, да не надо, я сама тебе колбаски хорошей привезла, да ещё гостинцев. В вашем сельпо такого нет. Да и я дня на

три-четыре. Тебе давно обещала, да и мне отдохнуть. Только сразу мам пока не забыла, если вдруг Саша в разговоре спросит, скажи, что плохо тебе было, приболела.

–Да неужто он тебя к матери родной не отпустит, пока я помирать не соберусь?

–Мам, долго объяснять, но так легче будет. Не забивай голову.

–Ой, да ладно, ладно. Я в ваши дела не лезла никогда, как скажешь. Я так рада, ты приехала, наконец, отдыхай дочка, уставшая ты с дороги, прям совсем, как больная! Утро вечера-то мудренее.

***

Ночью её опять стошнило. Она даже испугалась, успел ли усвоится, принятый вечером, Мифегин. Хотелось бы дня за три закончить с этим. Девчонки, специалистки в клинике по этому профилю, сказали лекарство французское хорошее. Почти без побочных, но надо бы в клинике под наблюдением. Когда она сказала, что не хотела бы, чтобы муж догадался, они переглянулись, но сказали, тогда лучше бы чтобы его дома в этот период не было. Она и сама знала, что лучше бы, да как назло в частых, обычно, командировках, получился длительный перерыв. Только его невнимательность позволила ей скрыть от него утреннюю тошноту. Ну, программисты они ведь такие, возможно, пока она не наблевала бы ему на клавиатуру он бы и не заметил. Она просто стала заказывать суши, чтобы если что списать на их качество свои симптомы,

а параллельно искать решение задачи – медицинское образование научило её подставлять нужные слова, чтобы завуалировать этику.

Но утром она столкнулась с ещё одним симптомом беременности – рассеянностью. Как она могла оставить таблетки на видном месте! Да и мама хороша, ну таблетки увидела, спросила бы её, от чего, зачем в аннотации-то было копать.

– Да что же вы за люди такие, это же грех-то какой! Вам ведь пора уже ребёночка-то завести, ну по всем меркам пора. Оба при работе, всё есть. А если что, как от титьки только отучишь я бы к себе забрала. Это ж что вы удумали?! Это всё умник твой, этот твой Саша. Я всегда говорила он не от мира сего. Они городские все такие, ни бога, ни души! Это он тебя заставляет. Он детей не хочет.

– Нет, мама, не он. Всё сложнее. Тебе не понять.

– Не ври! Ведь ты не такая! Ты не убьёшь ведь дитя невинное, а он потом увидит, ребёночка-то, да и одумается, вот увидишь. Только на руки возьмёт...

– Нет, мам! Не увидит! Он хочет детей, вернее мы хотим. Но не получается. А это не от него – выпалила, словно орудийным залпом Вера.

Обе женщины не сговариваясь, опустились на скамью.

– Это... Это как так-то. Ты ж говорила, любишь его, вы что же, расходитесь? А этот, новый, он что сбежал, ну не хочет жениться, так ведь и ты не с родным отцом росла, может обустроится, как-то всё, а дочка?

–Люблю я его и не расходимся. Только вот командировки эти постоянные, да и дома всё дела допоздна. Он уехал на неделю, а мы отмечали с однокурсницами бывшими в баре. Сама не знаю, как получилось. Сейчас, мам, это нормально, просто стресс сняла.

–Так, а ребёнок-то причём? Ну, если вы не можете, так этого вырастите, он ему как родной будет.

–Мам, ну в баре-то с кем познакомишься!? Южные-то и на подъём полегче, два раза намекать не надо, да и погорячее. Хотя, по правде сказать, этот был просто дьявольски обольстителен, правда сбежал как-то чересчур поспешно, наверно торопился к своей единственной – лечь, как ни в чём не бывало к жене под бок. А потом там и без экспертизы будет видно, чей ребёнок, хорошо, если заговорит без акцента. У Сашки-то все блондины почти, да глаза серые. Нет мам не вариант, я ж тоже не зверь, думала.

***

Говорят, первое шевеление плода появляется уже на седьмой-восьмой неделе беременности, только вот мать начинает ощущать шевеления с двадцатой. Просто плод не касается матери до этого и она не чувствует движений. Однако Верре в церкви, когда она стояла по центру зала, глядя на роспись под потолком, показалось, что она почувствовала, как ребёнок её, которому уже не суждено родиться, пошевелился, словно потянувшись ввысь к этой самой картине бога на облаке. Она даже вдруг начала думать, кем бы он мог стать.

Может каким-нибудь артистом, или политиком. Она стяхнула с себя это наваждение, когда, также непостижимо, вдруг совершенно ясно почувствовала, что вот именно сейчас он умер.

* * *

– Не угадала, Кудесником он должен был стать, ну, по крайней мере, таков был божий план. Да, какая злая ирония судьбы! Прожить полноценную жизнь в одном времени, заново вернуться в этот мир для выполнения особой миссии и умереть не родившись! – сказал Навигатор.

– Да, даже и не верится, что это не твоих рук дело, порою люди совершают поступки, словно соревнуясь с тобой, Дьявол.

– Вот это, кстати, обидно. Все дети, умирая, становятся ангелами, он был под сенью Аккумулятора, так что технически его смерть идёт в твой актив. Я должен был быть на его стороне, бороться за его жизнь, но его мать действовала так разумно и решительно!

– Жаль, что, вопреки человеческим представлениям, у тебя на самом деле нет ада. Для подобных случаев я бы помог тебе создать в нём особое отделение.

* * *

Никогда они с мамой особо не ругались. Спорили, да. И в этот раз не было громких тонов. Когда сели они, по привычке скорее, а не по традиции, перед отъездом «на дорожку», мама сказала:

—Ты ведь знаешь, фашисты в войну выжгли всю нашу деревню. Я помню, мама моя рассказывала, как она сидела в землянке с учительницей их, тоже Верой, кстати. Ну, ты же знаешь, школу нашу потом её именем назвали. Она этих детей тогда спасла, как мать человеческая. Немцы рыскали по всем окрестностям в поисках спрятавшихся, а от них словно Бог их отвёл. Пятеро детей со всей деревни выжили. Но деревню отстроили и мы выжили. А вот теперь мне действительно за вас страшно. Эти ваши «сначала квартира, машина, карьера, отпуска на курорты»... Скажи мне, от чего вы отдыхаете-то там? Что вы такого делаете, что так устаёте? Мы ведь и учились, и работали и детей успевали рожать, растить и воспитывать.

—Ой, мама. В том-то и дело, что вы рожали, растили, воспитывали, но не жили! Ну что ты видела? Деду такой шанс выпал, когда он клад нашёл! Ладно, в город не хватило ума перебраться, так хоть бы дом построил нормальный. Он и с ума-то сошёл наверно оттого, что жить в вашей деревне невозможно. Ты, стала матерью одиночкой. Хорошо повезло, ты отчима нашла. Так и он от этой вашей так называемой жизни до пятидесяти не дожил. Ты на себя посмотри, тебе сорок шесть, а ты выглядишь реально, как бабка! Не думала я что ты и мне такого желаешь. А мне ведь всего пришлось самой добиваться. Вы мне ничего не дали. Я даже, чтобы шмотки купить себе в медучилище пока училась, санитаркой подрабатывала. А мои ровесницы сразу в институ-

тах учились, да им родители не гостинцы, картошку да сало в общагу посылали, а денег больше, чем я санитаркой получала, я знаю, мы практику вместе проходили.

–Береги вас бог, дочка. Кого он хочет погубить, того лишает разума. Только вот есть он ещё на Руси, бог-то? Похоже, отвернулся он от нас окончательно, раз вы у нас такие выросли.

Глава 17. Хранитель Души.

Как вы, сэр? – Что ж, я умираю, Эндрю. В остальном – прекрасно(с).

Айзек Азимов.

Албор Дваут знал, что, когда люди узнавали о его странной прихоти, за его спиной начиналось удивлённое перешёптывание.

–Ты шутишь? 26 век и натуральное сердце на второй сотне лет от роду? Как такое возможно! И зачем?

И вправду операция по замене сердце занимала от силы 10 минут. Многие делали её сразу по завершении формирования организма, к совершеннолетию, вместе с извлечением чипа автоматического самосохранения и формирователя базы знаний. Сам Албор отшучивался на вопросы недоумевающих коллег: «Пока во мне сердце, данное мне при рождении, я по старинке могу сослаться на него, мол, люблю всем сердцем, сердце подсказало, а то и свалить на него, мол, ой, что-то сердце прихватило или чует моё сердце, что-то тут нечисто».

Сердце и вправду иногда прихватывало, и он с грустью думал, что когда-нибудь настанет день, и его прооперируют экстренно какой-нибудь мобильный Центр здоровья и благополучия, и на его возражения не посмотрит. Хотя с другой стороны, ведь позаменял же он суставы, хрусталики, ба-

рабанные перепонки и ещё что-то, что уж и сам не помнил. И только удобнее стало.

Работал он в практическом центре экстра-событийной археологии. С тех пор, как было открыто поле исторической напряжённости, люди перестали копать наугад или по наводкам из древнейших, не всегда правдивых летописей. Находя возмущения этого поля, этакий слепок человеческих страстей и эмоций, можно было с практически стопроцентной точностью сказать, что в данной конкретной точке имело место важное для истории событие. Сканирование на месте, конечно, могло показать достаточно точно временной диапазон события, а могло и не показать. И тогда, порою, даже после грандиозных событий, найти вещественные свидетельства было невозможно, время могло безвозвратно стереть следы, бумага испепелится, ткань истлеть, даже камень рассыпаться. И тогда учёные уходили ни с чем после дней и недель раскопок. Албор даже немного завидовал своим коллегам из отдела практической геологии отыскивающих свалки полимеров. Вот уж чьи экспонаты не боялись ни сотен, ни тысяч лет.

Несколько последних недель Албор работал в институте и даже немного заскучал, как вдруг пришло сообщение, что совсем недалеко найдено место потенциально интересное в нескольких исторических эпохах, с отпечатками очень сильной активности индивидуумов, что редко имело место. Обычно такое происходит в местах притягивающих людей,

центрах цивилизации в то или иное время. Но здесь и сейчас-то был маленький провинциальный городок с населением всего в несколько сотен миллионов, и насколько успел Албор выудить информации из базы знаний, здесь никогда не было сколько-нибудь исторически значимых населённых пунктов. Ладно, появилась возможность покинуть опустылевший офис, надо ехать. Разомну старые кости.

Правда, ехать пришлось в одиночку, никто не выявил желания лететь на столь малоперспективное место. Тут и лёту-то 2000 километров, от силы минут пятнадцать, совсем разленились вы, друзья-коллеги. На месте он определился с районом поиска. Слава богу, никаких строений тут не было. Обширная парковая зона под изоклиматическим колпаком, с редкими посетителями, приезжающими поглазеть на дико-растущую природу. Возвратившись, домой в мегаполисы с нарезанными чёткими, как клумбы, внутренними лесозонами, они будут захлёб рассказывать о своих приключениях в местах где "не ступала нога человека".

Усмехнувшись своим мыслям, Албор пошёл к отметке на картвизоре.

Наибольший скачок поля находился на возвышенности, густо поросшей травой, но при этом не имеющий ни одного деревца. Как будто неуютно они себя здесь чувствовали. Албор тоже почувствовал неясный толчок, ощущение, что внутри запустился какой-то метроном. Он невольно прислушался к своему пульсу. Только не сейчас, пробежала мысль,

сглазили-таки! И он отогнал от себя опасения. Надо занять себя работой!

***

А в это время в каком-то полукилометре от земли две высших субстанции с интересом наблюдали за происходящим.

—Ох и понастроили твои подопечные всякой ерунды, к чему все эти купола, экраны, от чего они отделяются, ведь они сами часть этой природы!?

—Ладно тебе бухтеть, ты вообще должен быть в предвкушении, ведь счёт 2:2, и этот прожил почти 200 лет, прежде чем получил вызов. Он и дожил-то чудом, вот-вот сердце откажет.

—Постой, ты что подглядывал!?

—Нет, конечно, ты сам посмотри, его сердце на исходе, еле дышит, бедолага.

—Помнится, один твой прошёл через истязания, провисел на кресте, получил удар копья в печень и ничего, ходил ещё потом, тебя восхвалял.

—Я устал тебе повторять, он дотянулся до Аккумулятора.

—Опять ты про своё, я ему про Фому, он мне про Ерёму.

Надо сказать, что Первые всё больше пропитывались человеческой культурой, и Навигатора это уже даже перестало беспокоить, он охотно вворачивал заимствованные высказывания.

—Ладно, давай смотреть. Он уже близко. Ты и так растянул испытание на тысячу с лишним лет! Уже и церкви-то нет лет

сто с лишним.

–Технически фундамент церкви – камень закладной на месте, и артефакт тоже. Ты же знаешь, что запрятано там, и вся эта внешняя атрибутика, всего лишь ширма.

–Ты тоже знаешь моё особое отношение к России и почему. Они постоянно в движении, они производят столько боли, страданий, душевных метаний, перемен и революций, они как настоящий генератор постоянно крутятся. И Аккумулятору, я уверен, ещё нигде не было так хорошо.

***

А в это время Албор развернул сканер и начал анализировать поступающую 3D проекцию. Сканер метр за метром, слой за слоем углублялся в землю. Несомненно, земля скрывала какое-то здание, точнее останки, практически фундамент. Редкими блёстками сканер автоматически отмечал монетки, предметы быта и прочую ерунду, конечно имеющую ценность для какого-нибудь вновь открывающегося краеведческого музея, но никак не претендующего на научную сенсацию. Вдруг сканер будто споткнулся, отъехал назад ещё раз дёрнулся, словно не в силах что-то прочесть, ещё движение, урчание, и замер. Да что ж за день-то такой, сердце, будь оно неладно, теперь сканер забарахлил. А может, уже и мобильный Центр здоровья и благополучия получил автоматический вызов. Интересно кто приедет первым, техподдержка к сканеру или робот-хирург ко мне, подумал Албор, почти теряя сознание. Холодок пробежал по спине и вдруг

ОН вспомнил себя совсем маленьким.

Он был у своей прапрабабушки, и та повела его на могилку к прадеду, некоторые люди тогда ещё хоронили усопших в земле. Старушка объяснила, что прадед лежит в земле и ей давно бы уже пора к нему. И он в своей детской непосредственности спросил, а как ты, бабушка, когда умрёшь, попадёшь в землю?

–А так внучок. Придёт время, обниму я землю-мать и пройду прямо в неё, а она примет меня, она всех принимает, и грешников, и праведников, Богу все едины.

Так ясно Албор увидел это всё, как будто и не два века прошло с той поры, а только вот вчера было. И когда силы даже думать не осталось, он так и сделал, как прабабка велела, падая, обнял землю с просьбой принять его и пропустить в себя.

Как в калейдоскопе неслись мимо него события, люди, неясные картинки со времён ему незнакомых. Какие-то сражения, толпы людей идущих, бегущих, а иногда и скачущих верхом на, какого-то вида, животных и покрытые шкурами зверей.

Вот горит, какое-то странное строение, похоже, из стволов деревьев, а вот словно сама земля горит, покрывая черным смогом какие-то машины, грохочущие и выплёвывающие языки пламени.

Иногда картинка будто очищалась, и он видел лишь пару – тройку людей, вот мужик в рубахе и штанах из древних

времён глянул, будто прямо на него, опухшими, черными, словно обожжёнными, глазницами. Вот другой бесстрашно сиганул вниз с округлой крыши с крестом её венчавшим, и, расправив непонятные крылья, сделал крутой вираж у самой земли, полетел к деревне, а следом бежали, улюлюкая ему мальчишки. И внезапно Албор начал наполняться знаниями, неведь как пришедшими к нему. И вот он уже знал всех и каждого кого он видел сейчас или когда-либо. Более того, он и был всеми и каждым, прожил с ними отведённое им время.

И когда это знание пришло, он оказался в невесомости, а прямо перед ним маленький шарик, не больше теннисного, но с такой мощной аурой, что волосы на руках встали как от электрического заряда. Албор протянул ладонь, и шарик привычно лёг в неё.

–Ну, здравствуй, Светоч жизни. Я искал тебя многие тысячи лет, произнёс, а точнее промыслила проекция человека, известного нам ранее как Албор, а теперь Душа.

–Он что, правда видит его, он с ним контактирует!? – воскликнул ошеломлённый Навигатор.

–Он не просто вошёл в контакт, они знали друг друга ещё до нашего существования – усмехнувшись, ответил прозревший Бог.

–И я по тебе скучал, Хранитель Душ! – ответил известный Первым, теперь уже видимо незаслуженно так называемыми, как Аккумулятор, Светоч жизни. Он переместился в известное нам измерение и, превратившись в маленькое светящее-

ся облачко, влился в, уже остановившееся было, сердце Ал-
бора, разошёлся сначала по его крови, а затем и по крови
всех Людей Земли, не Богов, но всего лишь людей.

Глава заключительная. Писатель.

Вопрос не в том, с кем я говорю, а в том, кто слушает (с).

Наши дни. Наша реальность. Почти... Вера Петровна Тимофеева была широко известным в узких кругах литераторов редактором. Тёплым апрельским утром она отложила в сторону распечатку полученного на мыло очередного произведения. Она по старинке распечатывала присланные рукописи, естественно не все, а те, что после пары прочитанных страниц в электронном виде хоть сколько-нибудь её заинтересовывали. Приложив душку очков к уголку рта, привычка за доредакторских ещё времён, она задумчиво посмотрела в окно.

Определённо прочитанное затронуло её. Она даже вспомнила деревню, где она гостила у бабушки в детстве. Церквушка там была в срубе и практически не отличалась от обычных домов. Это были застойные времена 80-х. Вспомнила она, как бабуля повела её туда в первый раз. Ей было немного страшно, тем более за церковь простиралось кладбище, с голубыми крашеными оградками и памятниками, уже еле видимыми за разросшейся растительностью. Мама как-то вскользь объясняла ей, что такое церковь, но во времена СССР, и мамы того поколения толком не знали, что да зачем. «Пережиток самодержавия». «Опиум для народа». И кто на самом деле Бог, Иисус Христос или тот из «Боже-

ственной комедии»? А потом узнавали с удивлением: «Как сын божий? Правда. То есть не он Бог? Ну, ясно, я как-то не вдавалась в историю религии, в основном всё как-то история КПСС».

Но зайдя с бабушкой в церковь, она словно окунулась в этот полузатенённый мирок, с резкими, но почему-то от этого не ставшими неприятными запахами. Кто-то что-то бубнил нараспев в уголке, лампадки выхватывали с изображений на потрескавшихся иконах чей-то понимающий и одобряющий взгляд. И она поняла, здесь есть любовь и покой. Она присела на грубо струганную скамью, пока бабушка пристраивала, запаливая принесённые с дома свечки, тонкие как карандаши, мягкие и податливые как пластилин.

Она не стала верующей ни тогда, ни после, когда все в едином порыве потянулись в храмы и начали истово молиться. Когда знакомые удивлённо начинали округлять глаза, как, вы своих не покрестили? Нет, ну мы своих у того самого батюшки. Вы что не знаете, кого он крестил? Да к нему, знаете, Кто приезжает за советом?!

Да, кто сейчас задумывается о Боге. Ставят всерьёз себе вопрос, а есть ли он на самом деле, и что я ему могу рассказать о своей жизни?

Отвлёкшись от этих мыслей, она, пробежав глазами по анкете, выцепила телефон 925-233-54-95. Автоматом отметила про себя – «Мегафоновский». Она всегда относилась к гуманитариям, впрочем, и редкий технарь или математик про-

считал бы, что, набирая цифры на клавиатуре, она напечатала «Я бог землян».

Трубку на другом конце подняли моментально ещё до гудка. Вера даже чуть вздрогнула от неожиданности.

– Да, слушаю, – бодро ответил энергичный голос мужчины лет пятидесяти, может чуть старше.

– Алло, добрый день, вас беспокоят из редакции. Вы прислали рукопись на отбор.

– Да, да, слушаю вас, – опять без малейшей задержки ответил её собеседник. Было даже ощущение, что он опережал её мысли. Вера даже отодвинула трубку и посмотрела на неё, словно пытаясь увидеть человека на том конце. Кивнув сама себе удивлённо – утвердительно, как бы соглашаясь сама с собой, что делает она всё правильно, она спросила: « А вы раньше что-нибудь писали? Я не слышала о вас, хотя вы видимо, уж извините, не подходите под определение молодой писатель».

– Я как-то написал сборник афоризмов, но из них после отсеивания осталось буквально десятков, да и те опубликовал другой писатель под своим именем.

– Да? Любопытно. И где он издал такое нарушение авторских прав. Вы так спокойно это оставили? – скорее иронично спросила редактор, давно уже не удивлявшаяся таким историям.

– К сожалению, он уже умер. К тому же, он был иммигрантом и после нескольких десятков лет скитаний доживал свой

век в Израиле. Ну, и нас связывала старая дружба и он, кстати, в Израиле был очень уважаемым человеком.

—Соболезную. К сожалению, хотя много наших соотечественников-писателей туда уехало, я как-то совсем не знакома с русскоязычным сообществом писателей там.

—Нет, нет, он издался на иврите.

—А ну это совсем другое дело. Всё-таки перевод. А то я уж подумала, что опять наше интеллектуальное достояние вывезли за границу, выкрав и присвоив. У нашего щедрого народа это не редкость.

Вера слегка перевела дыхание и, собравшись, сказала:

—Что касается вашего произведения, я нахожу его, несомненно, заслуживающим интереса, но он не нашего формата. К тому же, редакционный совет вряд ли оценит столь смелые суждения, ведь некоторые из них могут оскорбить чувства верующих. Сами посудите, если название вашего произведения интерпретировать, согласно вторым именам героев, то называется оно ни много не мало «Бог и люди». Амбициозно, не кажется вам? И при этом, в конце концов, оказывается, что люди превыше бога. Ну и столь фривольное упоминание религиозных и известных исторических персонажей и событий, это, конечно, определённый жанр с заявкой на скандальность. Скорее это формат интернет издательств, ну или возможно некоторых журналов. Сейчас есть у определённой публики спрос на фикшен вокруг исторических событий. Вы, кстати, проводили исторические исследования?

Некоторые факты вами преподносятся как неоспоримые, но я не помню, правда ли это на самом деле.

—Нет, я скорее люблю наблюдать за жизнью, чем изучать её.

—Ну, вот, может, вам стоило писать о современниках. В любом случае, скажу вам, лично мне понравилось. Вам стоит продолжать, и у этого произведения, несомненно, есть своя аудитория. Присылайте ваши рукописи лично мне. Я думаю, мы с вами, возможно, ещё встретимся. До свиданья!

—О, можете не сомневаться, встретимся — сказал Капитан, разрывая связь.

—Ну, что, графоман. Я же говорил, сочинение уровня седьмого класса, написанного на переменке — с издёвкой сказал Навигатор — Нашёл бы очередного Нострадамуса и нашептал бы в его больную голову, он бы пробивал твоему откровению дорогу лбом, издавался бы и переиздавался, так нет же, тебе захотелось воспользоваться благами цивилизации. Ну и опять же, неужели ты думаешь, что только ты способен видеть будущее. Я ведь знаю, это прапрабабка того самого Албора. И что в ней течёт кровь Стеньки Разина. И ты уже знаешь, что нас ждёт и что испытание во второй раз подряд ты выиграл 3:2, ну или выиграешь, с их точки зрения. Да и ещё мы узнаем, что наши подопечные не так просты, как нам казалось. Или ты и вправду думал, что я когда-либо получал удовольствие от этих Жатв. Да ни в раз!

Пушай живут! Если сами друг друга не перебыют.

Oh those russians! ©

2022 г.

© Все права защищены.